

ПОЛ КЛЕМЕНС



СНЯТИЕ С КРЕСТА



«Жесткий, увлекательный криминальный роман. От него невозможно оторваться, и это, пожалуй, главное достоинство произведения. В нем щедро смешаны реальные факты с творческим вымыслом автора.»

SURVEY OF THE BOOKS

Secret. Алтарь мировых тайн

Пол Клеменс

Снятие с креста

«ЭКСМО»

Клеменс П.

Снятие с креста / П. Клеменс — «Эксмо», — (Secret. Алтарь мировых тайн)

В парке старинного французского замка найден труп молодой женщины. Через несколько дней кто-то убивает зрителя замка. Далее убийства следуют одно за другим: погибают престарелая дама из особняка по соседству, ее горничная, искусствовед, некоторое время работавший в замке... Хозяин замка Анджей Раковский приходит к выводу, что все убитые каким-то образом связаны с картинами французского живописца Шандемо, украшающими коридоры замка. На одном из полотен, как выяснилось, художник зашифровал местонахождение тайника, в котором хранится уникальная картина Рубенса «Снятие с креста», источающая мощную негативную энергию...

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	10
Глава третья	22
Глава четвертая	34
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Пол Клеменс

Снятие с креста

Глава первая

– Меня не интересует ваше прошлое, пан Раковский, – растягивая слова, произнес посетитель. – Оно предельно доходчиво изображено на вашем лице. Я пришел поговорить о вашем будущем.

Человек, представившийся мистером Гергертом, закинул ногу на ногу, обхватив колено сомкнутыми ладонями. На указательном пальце блеснул изумруд. Он безукоризненно говорил по-польски и имел мефистофельскую внешность. Высокий лоб, гладкие, зачесанные назад черные волосы, переливающиеся глубоко посаженные глаза.

Посетитель покосился через плечо: под стеклом на верхней полке стояли шесть африканских статуэток. Жрец, Мудрец, Колдун, Оракул, Предок, Обезьяна...

– Вам обещали полную безопасность, – вкрадчиво начал неожиданный гость. – Но этого не случилось. Эти ребята, – он снова кинул взгляд на полку, – исподволь выматывают вашу душу. Пару месяцев назад вы пережили нападение. Коллекция уцелела, божки умеют за себя постоять. Тот, кто пытался снять их с полки, умер на месте – внезапная сердечная атака. Второй доковылял до порога, где и скончался от приступа удушья. Вы получили от грабителей по голове и неделю лечились. В вашем доме царит убийственная аура. Вас поддерживает только ваш друг Павел Айзик – и тот, приходя в ваш дом, может находиться лишь на кухне. Ваша девушка сбежала в Лондон – устала вздрагивать, глядя на эту чертову дюжину глаз. Вы потеряли ее – на днях она выходит замуж. Недолгое время вы снова жили со своей прежней подружкой Алицией Квятковской. Девушку также не прельщала перспектива стать героиней картины «А поутру они не проснулись». Она настойчиво убеждала вас избавиться от коллекции. Грозила, что сама ее выбросит. Вы колебались. Алиция погибла под колесами машины, и теперь вы каждую пятницу приходите к ней на могилу и напиваетесь в одиночестве. Не сжимайте кулаки, мы не имеем к этому никакого отношения. Вы знаете, кто это сделал. Вы распродали за бесценок почти все свои картины. Новых не создаете, пьете, опускаетесь, теряете интерес к жизни. Мимолетные связи с женщинами не приносят удовольствия. Вы купили новую квартиру, но и это не помогло. Божки переехали вместе с вами. Недавно вы надрались в ресторане и чуть не замерзли в сугробе. Спасибо Павлу Айзику – он на себе притащил вас домой. Вы не боитесь, что однажды вас таки умножат на ноль?

Анджей сглотнул:

– Выражайтесь точнее.

– Хорошо. Есть силы, готовые взять на себя функцию бога и отправить вас в Страну Вечной Охоты. Устроит такая формулировка? Будем искушать судьбу? Вы слишком мелкая персона для этих... уважаемых господ, – посетитель в третий раз покосился на африканские реликвии. – Им тесно в вашем однообразном мирке. Они хотят большего. Они раздражены вашим невниманием. Им требуются почести и жертвоприношения – вы не в состоянии им этого дать. Не за горами большая беда. Будем дожидаться ее прибытия?

Анджей молчал.

– Да, коллекция воссоединилась, – размеренно вещал Гергерт. – Но мира и гармонии по-прежнему нет. Ни на планете, ни в доме варшавского живописца. Слишком долго эти ребята находились порознь. Полагаю, вы в курсе, что они успели натворить. Красные кхмеры в далеких семидесятых разграбили дворец принца Сианука, и статуэтка Мудреца попала к Пол Поту. Эти двое весьма понравились друг другу. Скажите, может ли такая милая идея забить моты-

гами половину собственного населения прийти в голову человеку, получившему приличное образование в Парижском университете? Или кто-то подсказал? Декабрь 2004-го – Колдуна упаковывают в багаж и доставляют самолетом из Джакарты на Маскаренские острова. Божка уязвили условия перевозки – под крылом самолета разломилось океаническое дно, и разрушительное цунами смыло половину прибрежной Азии. Самолет с идолом долетел благополучно... Декабрь 1908 года. Прекрасный сицилийский город Мессина, изобилующий шедеврами архитектуры, в том числе античной. Местный купец Джованни Лоприччи выиграл в карты у заезжего офицера африканскую статуэтку. Обезьяна оскорбилась до глубины души – ее еще никогда не выигрывали в карты. 28 декабря в Мессинском проливе произошло сильнейшее землетрясение. Города Мессина и Реджо-Калабрия обратились в прах. Погибли сотни тысяч людей. Не приди на помощь моряки российского флота, проводящие поблизости учения, жертв под завалами было бы больше... – Гергерт откашлялся. – Форт-Райли, штат Канзас, январь 1918 года. Подполковнику Гарри Шерману, начальнику штаба экспедиционного корпуса США, смертельно надоел своенравный божок, оставшийся после смерти супруги. Он выбросил Оракула на свалку, понимая, что с этой статуэткой что-то нечисто. Симптомы гнойного бронхита начались через несколько дней. По прибытии экспедиционных частей во французский Брест подполковника госпитализировали. Но поздно – Шерман захлебнулся собственной кровью. На следующий день пандемия распространилась по всему городу. Через месяц – по миру. От свирепого гриппа, прозванного испанкой, умерло до ста миллионов человек. Переболела без малого треть населения планеты. Мораль ясна – не стоит выбрасывать богов на свалку, – посетитель цинично усмехнулся. – Божок по прозвищу Оракул в 1915 году трясся в багаже некоего Джевдет-бея – наместника Ванского вилайета Османской империи. Он не стал губить своего владельца, действовал с ним заодно, всячески укрепляя «боевой дух». «Батальоны мясника» с особым удовольствием уничтожали города турецкой Армении. Армян истребляли под корень – в Битлисе, Муше, Сасуне, – резали, жгли заживо, топили в Тигре. Подчиненные Джевдета погубили десятки тысяч ни в чем не повинных мирных жителей; лично Джевдет с садистским упоением резал и расстреливал людей, особое удовольствие ему доставляло умерщвлять детей... Зимой 1664 года лондонцы увидели в небе яркую комету и решили, что она предвещает что-то ужасное. На самом деле что-то ужасное предвещало ограбление особняка в Уайтхолле – у лорда Квингейта, славящегося дурным нравом, вор в числе прочего украл статуэтку африканского божка по имени Жрец. Вор скончался в муках, реликвию прибрала шустрая проститутка, от шлюхи она перекочевала к группе нищих маргиналов, от маргиналов – к полицейскому офицеру и снова к лорду. Но за время блужданий успела сделать черное дело. От Великой эпидемии чумы в Лондоне умер каждый пятый житель – порядка ста тысяч человек. Официальная причина эпидемии – тотальная антисанитария и чумная палочка, переносимая крысиной блохой. С этим, собственно, никто и не спорит. Если хотите, давайте считать это совпадением... Это лишь несколько известных фактов, пан Раковский. Не разлучи коллекцию умбара в XV веке, мир не столкнулся бы и с половиной своих несчастий...

Анджей застыл в унылом оцепенении. За окном стоял «кислотный» варшавский январь – твердый ноль, каша из грязи и снега. Пять месяцев назад реликвии вымершего племени умбара прописались в его квартире-студии на Бялоленке. Пожелание покойного Ангерлинка – председателя тайного европейского судилища – выполнялось неукоснительно. Где обещанное благоденствие?

– Итак, повторяю, пан Раковский, вы слишком мелкая персона для этих реликвий. Господин Ангерлинка явно переоценил ваши возможности. И ваше похмельное состояние тому подтверждение. Впрочем, вы не виноваты...

Екнуло сердце.

– Господин Ангерлинка?... Позвольте, вы тоже имеете отношение к организации...

– Обойдемся без названий, – улыбнулся мистер Гергерт. – Повторюсь, наши люди не имеют отношения к вашим неприятностям. У меня имеется деловое предложение.

– Вы слишком дипломатично подъезжаете, – усмехнулся Анджей.

– Я не дипломат, – посетитель сухо улыбнулся. – Дипломат – это тот, кто может убедить жену, что «вон тот голубенький кабриолет» ее полнит. Вас убеждать не надо. Результат налицо. Итак, предложение. Вы отдаете коллекцию умбара в добрые руки...

– Запрещено, – перебил Анджей. – Коллекцию нельзя дарить, красть, выбрасывать, давать поносить...

– Коллекцию можно продать за приличные деньги, – возразил Гергерт. – А деньги – всеобщий эквивалент стоимости товара. То есть вместо денег вам могут предложить неплохой товар. Коллекция умбара бесценна. Увы, вам не предложат в обмен что-то равнозначно бесценное. Но товар дорогой. Как вы отнесетесь к приобретению, скажем так... музея?

Вроде не ослышался. Трудно придумать слово, созвучное со словом «музей».

– Музей... – пробормотал Анджей. – Хм. Надо же, до чего дошли товарно-рыночные отношения.

– Мусейон, как говорили древние греки и их плагиаторы – аналогичные римляне. Вы не ослышались, Анджей. В это слово вложен именно тот смысл, что и должен. Разумеется, музей не государственный. Можно продолжать или встать и уйти?

– Продолжайте, – разрешил Анджей.

– Вы любезны. Не будем касаться технической стороны вопроса: как это может произойти и может ли вообще. Может. Для людей с деньгами и связями – любая сделка осуществима. Представьте север Франции. Пролив Па-де-Кале. Побережье пролива, несколько западнее Дюнкерка. Городок называется Шантуа. Двести пятьдесят километров от Парижа. Полчаса езды до Фландрии... вы понимаете, о чем я? Фландрия – одна из провинций Бельгии, подарившая миру плеяду выдающихся живописцев. Поместье Гвадалон переходит в вашу безраздельную собственность. Находится на берегу, несколько на отшибе. В некотором роде это замок.

В горле пересыхало – видно, от пинты зубровки, уничтоженной накануне. Он откашлялся, хотел что-то сказать, но передумал.

– Местечко не уединенное, отнюдь. По соседству еще несколько поместий, где живут люди. Отличные дороги, десять минут езды до центра Шантуа. Буду откровенен: поместье требует ремонта. Не кардинального, не везде, но тем не менее. Площадь замка Гвадалон – порядка полутора тысяч квадратных ярдов, не считая чердака и подвалов, плюс прилегающая территория – около пяти акров. Сад, беседка, подсобные строения.

– Местечко явно не туристическое, – пробормотал Анджей.

– Согласен, – кивнул Гергерт. – Не всякий турист доберется до Шантуа. Вас это сильно шокирует?

– Нисколько.

– Я так и думал. Но ландшафты, уверяю вас, славные. До недавнего времени хозяином поместья был некто Венсан Перель, обладатель крупного текстильного бизнеса, почетный гражданин города, посвятивший время пребывания на пенсии благотворительным программам. Он скончался четыре года назад, после чего поместье на законных основаниях, вместе с содержимым, переписали на баланс одной известной вам организации. Сделка кристально чистая, ничьи права ущемлены не были...

– Причины смерти?

– Помилуйте, Анджей. Господину Перелю на момент смерти было восемьдесят два года, он участник французского Сопротивления и сноса Бастилии...

– Хорошо, я понимаю. Вы что-то говорили про музей?

– Разумеется. Упомянутое содержимое поместья. Будучи небедным человеком, Венсан Перель всю жизнь коллекционировал картины. Считал себя законченным патриотом, увлекался только французской живописью. Коллекция Переля содержит порядка полутора сотен полотен. Антуан Ватто, Франсуа Буше, Жан Батист Симеон Шарден, Оноре Фрагонар, Клод Шандемо и многие другие. Вероятно, эти имена вы слышите не впервые. О коллекции широко известно не только в Шантуа, но и за пределами города. Под музей и запасники отдана западная часть замка, где еще в 92-м году произведен капитальный ремонт и созданы все условия для хранения и экспозиции полотен. Специальная сигнализация, влажность, температурный режим. Несколько дней в неделю музей открыт для посетителей: всего за пятнадцать евро любой желающий может насладиться высоким искусством под надзором работников охранного агентства. На жилую территорию посетителей музея не пускают, для них существуют отдельные дорожки. Договор с охранной фирмой заключен вплоть до 2015 года. Доход от... гм, ценителей живописи, а таких во Франции немало, окупает содержание замка и прислуги. Соблазнительно, пан Раковский? Представьте, сколько стоит коллекция, не говоря уж о стоимости замка. Не ищите подвох. Его нет.

«Нет, есть, – подумал Анджей. – За что такой роскошный подарок? Они прекрасно понимают, что от божков я отрекся бы и за более скромное подношение».

– Вы согласны?

– Что с меня требуется?

– Принципиальное согласие. В Шантуа у вас будет собственный юрист и собственный... скажем так, искусствовед. Учите язык. Если знаете английский, осилить основы французского сможете за месяц. Лучше, чем беспробудно пьянствовать.

Анджей закрыл глаза. В колледже он брался осваивать французский. Даже вызубрил основы – преподаватель считал, что у него способности к языкам. Но потом это стало бесперспективным, бросил.

– Запишитесь на ускоренные курсы, хорошо заплатите: вам предоставят не только толкового педагога, но и одолжат носителя языка. Для начала виза во Францию, скажем, на полгода. Потом продлим. Каким образом будут оформляться документы, не ваше дело. Все имущественные вопросы решат без вас, нужно лишь поставить несколько подписей. Обмана не будет, сами понимаете... это в наших интересах, – посетитель настороженно покосился на коллекцию статуэток. – Распоряжайтесь новой собственностью по своему усмотрению. Хотите, живите во Франции, не хотите – совершайте туда визиты. В Гвадалоне имеется управляющий. Месяца через полтора-два мы подпишем контракт, и вы сможете посетить свое «родовое» гнездо. Ваше слово, пан Раковский?

– Скажите, – Анджей помялся, – все, что вы наговорили за последние десять минут, – не глупый розыгрыш?

– Нет.

– Почему вы хотите снять с баланса... вашей организации поместье Гвадалон?

– Это самое адекватное, что мы можем предложить за божков. Не ищите потаенный смысл. Нам не выгодно приобретать реликвии умбара за бесценок.

«В этом он, пожалуй, прав, – допустил Анджей. – Один из немногих случаев, когда выгодно невыгодное».

Он молчал, прислушиваясь к ощущениям и предчувствиям.

– Итак, месье Раковский, – господин по имени Гергерт иронично прищурился. – Какие будут распоряжения?

– Будут, – вышел из оцепенения Анджей. – От вашего предложения трудно отказаться, пусть оно и сулит... непонятно что. Но чтобы неожиданностей было меньше... давайте поступим так, – он поразился собственной наглости. – Законсервируйте замок до моего появления. Закройте музей. Сократите прислугу до необходимого минимума. Не скупитесь на охрану.

Замените сигнализацию на более совершенную. Через месяц подпишем договор о купле-продаже, я прибуду на место и разберусь, что представляет собой это чудо. Расходы за месяц оплачу из собственного кармана.

Брови элегантного господина понеслись ввысь.

– Странное условие, пан Раковский. Впрочем, воля ваша. Нам же меньше хлопот. Надеюсь, с сегодняшнего дня вы бросаете общение с крепким алкоголем и приступаете к изучению языка?

– А вот здесь я подумаю...

Глава вторая

Эта история сильно смахивала на галлюцинацию. Уже в самолете, под гул моторов, он прокручивал в памяти события последних сорока дней. К спиртному за это время он не приотнулся. Как отрезало. Не мог ли господин с пронзительным взглядом вложить в него установку? Нетерпеливый зуд во всех конечностях. Проститься с миром, где потеряно все, кроме денег, окунуться в новое, не связанное с прошлым... Преподаватель французского демонстрировал чудеса педагогики, заочно знакомил с одной из прекраснейших стран Старого Света. «Не могу поверить, – ворчал Павел Айзик. – Бросить все и уехать в какую-то глубинку. Смотри, не перемудри, Анджей. Кстати, тебе не нужен в далекой Франции верный компаньон и секьюрити? Звони в любое время, подскочу». Подписание контракта. Хмурые мужчины вынесли из квартиры опостылевшую коллекцию умбара. Еще один акт имущественной сделки – в кругу серьезных людей, из которых запомнился лишь один – месье Буржа, седой, представительный, с длинным клювом. «Желаете ли провести ваше поместье, месье Раковский?» – «Да, пожалуй, месье Буржа. Думаю, в конце марта я совершу ознакомительную поездку в Шантуа»...

Его ничто не держало на родине. Квартира закрыта, деньги переведены в парижский банк. Виза на три месяца, и нет оснований ее не продлить. «Уважаемые дамы и господа, наш самолет совершает посадку в аэропорту Шарль де Голль Руасси. Сегодня двадцать первое марта, среда, девять утра по местному времени, температура в Париже плюс восемь градусов, ожидается небольшой дождь...» Он не испытывал желания болтаться по Парижу. Слишком людно. Подождут и Лувр с Версалем, Венсен и Фонтенбло, национальный музей Огюста Родена, музей истории Парижа, Консьержери, Дом Инвалидов, прочие *palais* и *musees*...

Площадь перед аэропортом бурлила. Анджей понимал французскую речь. Плотная зубрежка, утомительные диалоги с «носителем языка» не пропали даром. Он отправился на огороженный участок площади под табличку «La station de taxis». Двести пятьдесят евро, и вопрос транспортировки тела успешно разрешился...

Еще один «носитель языка» трещал как заведенный, но взаимности не требовал, удалось поспать. В Шантуа прибыли в начале первого. Местечко располагалось в обширной низине, опоясанной пологими лесистыми холмами. Дубравы спускались к предместьям, просачивались ручейками в город. Пестрели разноцветные домики с резными окнами и карнизами, лавочки, кафе, магазинчики. Блестела брусчатка, умытая дождем. Вывески рябили в глазах: булочная, бижутерия, пресса, греческая кухня, китайская кухня. Степенно прохаживались люди, парковки были забиты машинами...

– Une facture, месье? – осведомился таксист.

– Простите? – не понял Анджей.

– Вам квитанцию выписать?

– Зачем?

– Ну, мало ли, – пожал плечами шофер. – А вдруг фирма возьмется оплатить ваши расходы?

Анджей засмеялся. Он распрощался с таксистом на центральной улочке Парлеву, запахнул куртку из горного архара, взвалил на плечо спортивную сумку. Постоял у витрины кулинарного заведения «Шангино», где было выставлено меню. Кормили в заведении на убой. Устрицы, крабы, ножки лягушек, марсельский суп из рыбы, тушенная в рислинге капуста. Он рискнул зайти и сделать заказ. Мучительно долго разглядывал сырное меню, боясь решиться. Выбрал блё де брэс с «веснушками» из зеленой плесени, решив, что в этой жизни уже ничего не страшно...

Отяжелевший, в принципе, довольный, он вышел из заведения. Ощущалась близость моря, вдоль улицы дул резкий ветер с изморосью. Он двинулся по улочке на север, логично рассудив, что где-то там должно быть море...

Никто не обращал на него внимания. Пробежала ватага губастых юнцов, трясая дред-локами – сваявшимися косичками, кто-то пританцовывал в стиле Майкла Джексона. Пенсионеры с тросточками, стайка крашенных блондинок. Машины ехали со скоростью пешеходов, водители с мазохистским удовольствием за полквартала уступали дорогу пешей публике. Дорога уходила под уклон. Вывесок становилось меньше, народу убавилось. Он постоял у витрины книжного магазина, зашел в офис сотовой компании, где приветливая девчушка любезно приняла плату и уверила, что месье из Польши незачем волноваться – все его звонки будут тарифицироваться как местные и номер не изменится. Он посидел в уютном подвальчике с бокалом горячего грога, разглядывая ноги спящих над головой прохожих. Уточнил маршрут у хозяина и зашагал дальше – мимо ресторана быстрой еды, АЗС, пункта техобслуживания автотранспорта.

– Послушайте, месье... – Из переулка вывалился грязноватый субъект в затертой кожанке.

Анджей оглянулся – позади никто не шел, обращались к нему.

– Послушайте, месье... – повторил человек. Он плохо выглядел. Опухший, рыхлый, с взъерошенной шевелюрой. Нижнюю часть лица прикрывала клочковатая рыжая борода.

Он решил, что это нищий, и по привычке пустился в обход.

– Минуточку, месье, – бородатый схватил его за рукав. – Мне не надо от вас милостыни... – забежали вороватые глазки.

– Эй, приятель, ты слишком назойлив, – пробормотал Анджей, вырвал руку и слегка придавил приставале плечо.

– О, черт... – тот вздрогнул от боли. – Какого дьявола... Подождите, месье, вы неправильно меня поняли! Меня зовут... Впрочем, неважно, как меня зовут. Вы новый владелец поместья Гвадалон, правильно? Вы приехали из Польши?

Анджей оторопел от такого откровения.

– Ты кто такой, дружище?

– Это не имеет значения, – бормотал бородач. – Напрасно вы приобрели это поместье, месье. Вас ожидают серьезные неприятности. Эти люди не остановятся. Они уже убили Мишель, они убьют любого... – Незнакомец тяжело дышал, на прыщавом лбу проступили бусинки пота.

«Наркоман, – догадался Анджей. – Ломка начинается...»

Усиливался дискомфорт. Распахнулись двери соседнего заведения, вышли, громко смеясь, два парня в комбинезонах – видимо, работники автозаправки. Собеседник дернулся.

– Как вы узнали, что я здесь пойду? Откуда вам известна моя внешность?

– Да какая, боже, разница! Вы не понимаете... Послушайте, я знаю, что все это звучит дико и вряд ли вы тут же развернетесь и уберетесь в свою Польшу. Но будьте хотя бы осторожны. Если что, ищите меня. Мое имя... Черт, только этих ищек тут не хватало... – Странного типа охватил страх. Он отпрянул, исчез в той самой подворотне, откуда так беспардонно вылутился. Анджей перевел дыхание, сунул нос за угол. Проход между ободранными стенами загромождали мусорные контейнеры – изнанка парадной жизни. Парень уже смылся...

Сработали тормоза. У тротуара остановился старенький «Рено». Неторопливо вышли двое. Мужчина и женщина. Мужчина в штатском – относительно молодой брюнет с крючковатым носом, женщина – в форменной куртке с утеплителем. Последняя продемонстрировала жетон.

– Добрый день, месье. Уголовная полиция.

«Хорошенькое начало», – подумал Анджей. Работница полиции была плотно сложена (а может, утеплитель ее утолщал), невысокая, с внимательными серыми глазами и курносый носом. Пепельные волосы были собраны на затылке в пучок.

– Добрый день, господа, – Анджей всмотрелся в жетон. – Уже можно бояться?

По губам мужчины пробежала ухмылка. Дама осталась серьезной.

– Лейтенант Катрин Дюссон. Сержант Арман Жулье. Вы с кем-то разговаривали, месье?

– Да не особо, – Анджей пожал плечами и решил не выделяться. – Обычный сумасшедший. Сказал, что я зря приобрел поместье Гвадалон, и быстро исчез, забыв представиться.

– Я же говорил, что это он, – обрадовался сержант. – У меня прекрасная память на лица.

– Да, ты прав, Арман, – пробормотала женщина, прищурив глаза. – С меня два обеда. Это тот самый человек, который приобрел поместье Гвадалон.

«Известность бежит впереди меня», – подумал Анджей.

– Добро пожаловать, месье, в наши прекрасные земли, – сказала лейтенант. – Мы уверены, вам здесь понравится.

– И каким же образом вы приобрели поместье Гвадалон? – недоверчиво спросил сержант Жулье.

– Общедоступным, месье. Я его купил. А вы думали, я его украл?

– Странно, – пожала плечами женщина. – Вы не производите впечатления человека, покупающего поместье. Идете пешком...

– Я прогуливаюсь, – Анджей покосился на свои запыхавшиеся ботинки. – В принципе, я не беден. Когда вы в последний раз видели Билла Гейтса? Этот парень тоже не производит впечатления богатейшего человека планеты. Старый свитер, тертые джинсы. Это допрос третьей степени, лейтенант?

– Вы шутите, – кивнула женщина. – Понятно. Простите, месье, если мы вас потревожили.

– Можно продолжать движение? Хотелось бы поскорее дойти до своего замка и немного отдохнуть.

– Мы можем вас подбросить, – предложил сержант.

– О, не утруждайтесь. Я люблю ориентироваться на местности. Думаю, у полиции в этом городе найдутся и более важные дела.

– Скажите, вам знакома эта женщина? – лейтенант Дюссон извлекла из внутреннего кармана две фотокарточки и сунула Анджею под нос. Первая была увеличенной ксерокопией водительского удостоверения и изображала интересную брюнетку с большими коровьими глазами. Диссонанс составлял кроваво-красный рот. Он выглядел вульгарно. На второй фотографии брюнетка уже не казалась такой интересной. Волосы в грязи, лицо перекошено, покрыто пятнами, в открытом рту виднелся кончик серого языка...

Анджей поморщился, но постарался не выдать растущего беспокойства.

– Впервые вижу, лейтенант. Боюсь, во всей Франции на сегодняшний день я знаком только с вами двумя. Но вы неспроста показали мне это некрофильское фото, нет?

Полицейские переглянулись.

– Неспроста, – кивнула Кэтрин. – Эту женщину именно в таком виде обнаружили в воскресенье в поместье Гвадалон. Лежала у беседки в саду. Ее зарезали. Охрана без понятия, кто она такая.

– А кто она такая, лейтенант?

– Некая Мишель Одрэ – если верить водительскому удостоверению. Права получила в Нанте четыре года назад. Но департамент дорожной полиции уверен, что документ на данное лицо не выдавался. Подделка. Других документов при даме не обнаружено. Никто ее не знает. Вам есть что сообщить, месье Раковский?

Наблюдательная особа. Самое место таким в полиции. Он вспомнил слова мужчины с внешностью бродяги: «Они уже убили Мишель, они убьют любого...» Этот тип, похоже, знал покойную.

– Простите, лейтенант, – он заставил себя улыбнуться. – Я в этом городе меньше часа. Не пытайтесь что-то прочесть по моему лицу.

– Хорошо, извините, – женщина миролюбиво улыбнулась. – Не будем вам докучать, месье. Но уверена, инспектор Филибер Шовиньи изъявит желание с вами познакомиться. Не будете возражать, если завтра вам нанесут визит?

– Ни в коем случае, лейтенант. Это будет так мило со стороны закона...

Полиция забралась в потрепанный «Рено». Арман Жулье включил зажигание: мотор чихнул и встал в позу. Он раздраженно ударил по рулю, выбрался из машины, мстительно хлопнув дверцей, и открыл капот. Лейтенант Дюссон с лукавинкой глянула из окна.

– В нашем департаменте не очень охотно финансируют полицию, месье. Рядовое дело.

– Сочувствую, – пробормотал Анджей.

Сержант полиции с подозрительной фамилией Жулье прыгнул на сиденье. Мотор со скрежетом завелся. Машина завернула в ближайший переулок, корябая бампером брусчатку. Он проводил ее глазами, постоял на ветру, охваченный оцепенением, пробормотал в пространство:

– Даже не надейся, что человек, совершивший ошибку, и ты – это разные люди, – поднял воротник и зашагал на север.

Городок оборвался внезапно – едва проплыли гаражи станции техобслуживания. Последнее здание – невзрачный домик на непропорционально мощном каменном фундаменте. С моря дул сильный ветер, насыщенный парами йода. Облака, покачиваясь, плыли из туманного Альбиона – от английского города с французским названием Дувр. Он встал на перепутье, воткнув сигарету в зубы. Главная, хотя и узкая, трасса делилась на три ветки. Направо – Дюнкерк, налево – Кале. На север, за скалистую возвышенность, убегала безымянная дорога из плотно подогнанных плит. По ней и отправился Анджей, пропустив какой-то хищный «танкенваген» цвета безлунной ночи.

Он с любопытством озирался. Причудливые скалы раскрашивала зелень можжевельника. Матово поблескивали пластинки слюды. Попадались редкие деревья, прибитые к земле, моховые островки. Дорога петляла между серыми глыбами. В отдельных местах утесы нависали над головой, обочины устилали обломки, отколовшиеся от вершин. Таблички извещали о возможном камнепаде. Он обогнул приземистую скалу и выбрался на очередное распустье. Дороги разбегались, как струйки фонтана, и резко падали вниз. Распахнулся пролив Па-де-Кале, затянутый плотной пеленой измороси. Покачивалась масса серой воды, отделенная от материка полоской рифов. Зеленели островки ельников. Под ногами разверзлась ликующая красота водопада: узкая речка выворачивала с юго-востока, неслась по гладко отполированному желобу и красиво падала с уступа, разбиваясь о камни. Он вспомнил, что в этой местности должна быть река Неж, где ловится, по уверению Гергерта, вкуснейшая форель. Дорога, убегающая вправо, переходила в каменный мостик и на другой стороне терялась в скалах. На указателе французским по белому было выведено: «Бруа». На той, что по дуге спускалась влево, указатель выцвел, но читался: «Гофрэ». Вскрылась еще одна ячейка в памяти. «За пределами Шантуа есть три обитаемых поместья. Гвадалон, Гофрэ и Бруа. Везде проживают приличные люди, вряд ли они доставят вам беспокойство». Он быстрым шагом пересек развилку, зашагал по дороге, ведущей на север. Указатель красовался за ближайшим поворотом – фиолетовый щит с лаконичной надписью: «Гвадалон». Чуть ниже – извещение для непонятливых: «Propriete privée» (частная собственность). Скалы делались пологими, поднималось русло реки. Течение благодаря покатостям рельефа замедляло бег. Метрах в ста от указателя Анджей обнаружил

постороннего. Сутулый мужчина в прорезиненной штормовке, с натянутым на голову капюшоном удил рыбу. Он расположился на узком пятачке над массой воды и ловко манипулировал телескопической удочкой. Забрасывал навстречу течению, вел удилище по дуге, а когда леска натягивалась, выдергивал крючок с наживкой. Анджей остановился, повертел головой. Не самое райское местечко. Безжизненные глыбы песчаника, дорога пропадала в лабиринтах мегалитов. Ветер разгулялся не на шутку, шевелил ползущие по камням отростки можжевельника. Такое ощущение, что сейчас пробежит Стэплтон с сачком, а из расщелины с рычанием вылупится его детище, сверкая воспаленными глазами...

Он поежился. Помимо одинокого рыбака, никого в округе не было. Рыбак внезапно дернулся, вскинул удочку. Блеснуло рыбье тельце, шлепнулось мужчине под ноги. Он выдрал из пасти крючок, поднял садок, в котором уже томились несколько рыбин, и всунул пойманную форель головой вперед. Разогнулся и обнаружил наблюдателя. У рыбака было добродушное широкоскулое лицо, небритые щеки, зарубцевавшийся шрам на подбородке.

Анджей приветливо помахал рукой.

– Привет. Вы неплохо проводите время. Увлекаетесь спортивной рыбалкой, местье?

– Я ем ее, – охотно отозвался рыбак, пристально разглядывая художника. У него были внимательные цепкие глаза.

– Не скучно вам тут?

– Скучно, – признался рыболов. – Руку некому пожать.

Анджей спустился, протянул руку.

– Раковский.

Рыбак ответил на рукопожатие. У него была широкая лопатообразная ладонь, короткие пальцы с обрезанными под корень ногтями.

– Пьер Вассаль. Если вы из Шантуа, то проходили мимо моего дома. Он на краю, за станцией техобслуживания. Несуразная штукавина, вы должны были обратить внимание. Раньше там была городская мельница, но дерево не вечно, развалилось лет сто назад – помог большой пожар, а фундамент сохранился. Мой отец выкупил участок, построил на фундаменте смешное зданьеце. Вы сказали, ваша фамилия Раковский? – рыболов нахмурился.

– Говорил, – согласился Анджей.

– Так это вы приобрели поместье Гвадалон? Художник Раковский из Польши?

Анджей кивнул.

– Об этой новости, похоже, знает весь город?

– А что вы хотите, Шантуа небольшой городок, интересные новости разлетаются со скоростью пули. Я до выхода в отставку служил в полиции, сохранил связи, о многом узнаю раньше прочих. Вы не в претензии, что я на вашей практически территории ловлю рыбку?

– Нисколько, – улыбнулся Анджей. – Буду рад, если это занятие доставит вам удовольствие и хлеб насущный. А кем вы работали в полиции, если не секрет?

– Следственный отдел. Двадцать два года безупречной службы. Небольшие расхождения во взглядах с новоизбранным господином бургомистром, и образовалась дилемма: переквалифицироваться в постовые или удалиться в отставку. Свобода подразумевает выбор, что делаешь.

– Однако выбор подразумевает ограничение свободы, – сумничал Анджей.

Рыбак засмеялся. Запустил короткопалую конечность в широкий карман, выудил плоскую фляжку.

– Выпьем за знакомство, господин Раковский?

Анджей из вежливости отхлебнул. Напиток по вкусу напоминал коньяк – незатейливый, грубоватый, крепкий. Вроде изысканного сыра шевро, беспощадно разящего козой, навозом и прочей деревней.

– Недурственно, месье Вассаль... – Многолетний опыт потребления крепкого алкоголя не позволил оконфузиться.

– Будем считать, что я втерся к вам в доверие, – засмеялся Вассаль и тоже сделал глоток. – Очень болезненно, знаете ли, переносится здоровый образ жизни. Неоднократно пытался отказаться от пагубной привычки, но... стоит ли? Мир делается плоским, теряется ощущение контрастности.

– Не стоит, – улыбнулся Анджей. – Если в меру и с хорошим настроением. Позвольте уж и мне втереться к вам в доверие, месье. Инспектор Филибер Шовиньи – вам знакомы эти три слова?

Мимолетная тень пробежала по добродушному лицу рыболова.

– Да, а почему вы спрашиваете? Следственный отдел местной криминальной полиции. В принципе, уважаемый человек...

– Лейтенант Катрин Дюссон, сержант Арман Жулье.

– Следственный отдел, – повторил Вассаль. – Только не говорите, что эти люди уже успели вас прижать. Впрочем, они ребята беспардонные...

Он рассказал про человека с внешностью бродяги, про внезапное появление полиции, вынудившее бродягу ретироваться. Отставной полицейский задумался.

– Признаться, вы меня удивили, месье Раковский. Описание человека, которого вы приняли за бродягу, совпадает с приметами некоего Антуана Кассара – лоботряса и наркомана. Работал санитаром, чернорабочим, подсел на героин, покатился под горку. На работу не берут, да он и не рвется. Живет в каком-то притоне. Любопытно, что он был знаком с погибшей Мишель Одрэ... Думаю, вам стоило сообщить об этом полиции.

– Я исправлю упущение, – уверил Анджей. – С полицией я еще наговорюсь. Вам что-нибудь известно об обстоятельствах гибели девушки?

– Понимаю, – скорбно кивнул Вассаль, – не успели добраться до замка, а уже такая досада. Не стоит волноваться, месье. Полиция разберется. Обычное сложное дело. Я беседовал с Жозефом Арманжем – он выезжал в числе прочих на место происшествия. Труп нашли утром в воскресенье 18 марта. Проникнуть на территорию посторонние не могли, там сигнализация, поэтому непонятно, как туда попала сама покойная. Задушена в перчатках – никаких следов. Оба охранника в недоумении, прислуга в трансе. Ночью в замке присутствовали управляющий поместьем Огюст Шавр, дворник Йозеф и служанка Луиза Гурден. На роль убийцы никто не тянет. Но автоматически вся троица остается на подозрении. Вы можете, конечно, эту публику мгновенно уволить...

– Неприятно, – пробормотал Анджей. – Потайные ходы?

– Почему бы нет? – пожал плечами Вассаль. – Здание строили еще во времена инквизиции. Но для подробного обследования замка требуется разрешение его владельца. Так что ждите гостей.

– Хорошо, – кивнул Анджей. – Еще один вопрос, месье. Вернее, просьба. Опишите, пожалуйста, живущих по соседству. Ведь, как ни крути, они и ваши – пусть отдаленные – соседи.

– Несложно, – покладисто согласился отставник и подмигнул. – Люблю посплетничать, месье. На западе от ваших владений – поместье Гофрэ, на востоке – Бруа. Старинные рыцарские поместья, изрядно, впрочем, обветшавшие и перестроенные. С башни замка вы можете любоваться на них сколько угодно. Об обитателях Бруа и Гофрэ ничего дурного сказать не могу, – Вассаль засмеялся. – Но постараюсь. В Гофрэ еще недавно хозяйничал некто Жюль Фанкон – сварливый, егозливый старичок. Впрочем, его уже отпели. Обожал поколачивать прислугу и швыряться северским фарфором – уверял, что это необходимо для душевного здоровья. Единственный человек, кого он боялся, – его управляющая: надменная неприступная глыба по имени Герда. Когда она впадала в ярость, то начинала ругаться на родном языке... а

это такой странный язык, словно говорят с горячей картошкой во рту. Шведский, датский... не знаю, чем они отличаются.

– Шведский – это датский, прокрученный обратно, – объяснил Анджей.

– А вы весельчак, – хохотнул Вассаль. – Поместье год назад унаследовал сын покойного, Доминик Фанкон. Сочиняет детективные сценарии – не сказать, что процветает, но серьезных финансовых затруднений избегает. Из поместья почти не выходит. Привез с собой молодую жену – Элизу. Симпатичная пара. Влюблен в нее без ума, – Вассаль похмыкал. – Это правильно, лучше быть без ума от женщины, чем от природы, как его папаша. Болтуня – страшная. Впрочем, для женщин это не является недостатком. Им не нужен повод, чтобы начать говорить.

– Зато необходим, чтобы замолчать, – кивнул Анджей. – И эти люди уживаются с глыбой Гердой?

– Пытались. Недавно ее с треском уволили. Взяли новую. Некая Диана Ормель, темная лошадка, молчунья. Хм, молчащая женщина неуязвима, сказать о ней нечего. Сочетает обязанности управляющей с приборкой по дому. Садовника и повара Фанконы не держат, Элиза Фанкон справляется самостоятельно: продукты привозит из города, возится в саду, что-то пересаживает, перестраивает. Кстати, по профессии она ландшафтный дизайнер, числится в конторе «Монжене», но работать предпочитает на дому, что в принципе удобно...

Собеседник попался тоже не из молчунов.

– А в Бруа?

– Там население плотнее, – отставной служака принялся загибать пальцы. – Старик Луи Фортиньяк – сучковатый бука, прослужил всю жизнь в танковых войсках, вышел в отставку в звании полковника лет пятнадцать назад. Замок унаследовал от покойной супруги. Кстати, сестра этой самой супруги – милая и безвредная старушка Антуанетта – проживает вместе с ним. Оба имеют право на проживание в Бруа. Какие-то приходящие садовники, водопроводчики, служанка Николь Пуатье – чертовски сексуальная малышка...

Он так мечтательно посмотрел на небо, что стало ясно: давно не осуществлялась стыковка.

– Несколько месяцев назад к старику приехал племянник Анри Жюбер – с этим денди у вас еще будет возможность познакомиться. Как и с его подругой Ирен Маклассар, знойной блондинкой и весьма утонченной садисткой. В хорошем смысле этого слова, – добавил Вассаль, заметив непроизвольную реакцию собеседника. – Несколько минут назад вы могли увернуться от их черного «Фольксвагена», следующего в Шантуа. А могли и не увернуться.

– Благодарю вас, месье. И краткий перечень лиц, имеющих отношение к Гвадалону.

– Расчудесно, месье, – захохотал Вассаль, прикладываясь к фляжке. – Посторонний консультирует хозяина поместья, кто живет в его доме. Простите, я понимаю, что вы человек новый. Итак, управляющий поместьем Огюст Шавр. Вы можете уволить его к чертовой бабушке уже сегодня. Служанка Луиза Гурден – очень скромная и целомудренная. Старый хрыч Йозеф, из которого, быюсь об заклад, вы и трех слов не вытянете. Не знаю, что за личности владели Гвадалоном после смерти всеми любимого Венсана Переля, но часто туда навещался адвокат Фредерик Лежа – партнер юридической конторы «Лежа и Вронски». Охранная фирма «Голиаф», сотрудники которой постоянно находятся в Гвадалоне. Субтильный господин Франсуа Винье – знаток французской живописи, искусствовед, хранитель ваших бесценных сокровищ, окончил Цюрихский университет. Поддерживал в надлежащем виде картинную галерею замка, выступал в качестве гида перед посетителями – до тех пор, пока какой-то умник не распорядился закрыть выставку и полностью исключить появление в замке посторонних.

– Благодарю вас, месье, – лучезарно улыбнулся Анджей. – Надеюсь, мы продолжим знакомство.

Он продрог, как суслик, стоя с Вассалем на промозглом ветру. Теперь почти бежал, стуча зубами от холода. Река осталась за громадной скалой, дорога огибала ее слева. Он шагал по центру проезжей части, за порывом ветра не услышал гудение мотора и чуть не попал под колеса серого «Шевроле», вынырнувшего из-за поворота. Он отпрянул в сторону, едва не вывихнув лодыжку. Завизжали тормоза. «Шевроле» пошел боком, проехал несколько метров и встал.

Из машины, хлопнув дверью, выскочила стройная шатенка в серой куртке.

– О боже, с вами все в порядке? – подлетела она к Анджею.

– Увы, мадам, вы промахнулись, – пошутил Анджей, выпрямляя спину. – В следующий раз будьте точнее.

– Слава Иисусу, – она облегченно вздохнула. – Садитесь в машину. Я отвезу вас в Гвадалон.

– Неужели? – насторожился Анджей. – Полагаете, за это вам простятся грехи и обеспечится спасение на небесах? Спасибо, мадам, езжайте по своим делам, доберусь уж...

– Вы не понимаете, – перебила женщина. – Вы же из Польши? Нам пришел факс с вашим фото...

– В принципе, из Польши, – допустил Анджей. – Но отчасти цивилизован. Кстати, полминуты назад вас чуть не сподобило на окончательное решение польского вопроса.

Она поняла шутку, рассмеялась.

– Я еду за вами, месье. Меня зовут Селин Шаветт, я работаю в охранном агентстве «Голиаф», занимаюсь обеспечением безопасности в поместье Гвадалон. Двадцать минут назад позвонила лейтенант Катрин Дюссон из полиции Шантуа, сообщила, что видела вас на улице Парлеву. Я решила вас встретить. К сожалению, проблемы с машиной не позволили выехать вовремя, – она неприязненно покосилась на переднее колесо, подозрительно смахивающее на запаску.

– Ничего страшного, мадам, – успокоил ее Анджей, забираясь в машину. – Я содержательно провел эти двадцать минут, познакомился с местным рыболовом...

У дамы был весьма привлекательный профиль, но машиной она управляла неважно: резко дергала рычаг, пережимала акселератор.

– Хорошо добрались? – она быстро посмотрела на него.

– Нормально, – пожал плечами Анджей.

– Мы думали, что вы прибудете поездом, о чем сообщат заранее. Вас бы встретили на вокзале в Кале. А вы решили своим ходом...

– Не берите в голову, – отмахнулся Анджей. – Бесплатная доставка, установка. Кстати, мадам, у вас имеется версия, каким образом постороннее мертвое тело оказалось на охраняемой территории?

Женщина за рулем поморщилась.

– Это просто недоразумение, месье.

– Неужели? – изумился Анджей. – Ветром надуло?

– Не знаю, – она поджала губы. – Вы можете, конечно, расторгнуть договор с агентством «Голиаф», но уверяю вас, наши работники четко следуют инструкциям. А меня в ту ночь вообще в поместье не было... – она замолчала.

– То есть версий нет, – заключил Анджей. – Хорошо, мадам Шаветт, не будем усугублять ситуацию, в которой все равно мало что смыслим. Я правильно к вам обращаюсь?

– Как хотите, – она опять пожал плечами и бросила на него быстрый взгляд. – Я была когда-то замужем. Но так давно...

Оборвались морщинистые пласты серо-желтого песчаника. Распахнулись мутные воды пролива. Речушка Неж вырвалась из плена каменного ущелья, неслась навстречу большой воде. Аккуратный мостик, открытые ворота с ажурной вязью, предупреждающая табличка «Stationnement interdit» (стоянка запрещена). Двор мостили плиты с правильно подогнанным

рисунком. При виде здания в глубине двора он испытал некоторое разочарование. Воображение рисовало что-то величественное, помпезное, сохранившееся до наших дней чуть не с династии Каролингов. Возможно, так и было, но со времен мрачного Средневековья уцелело немного. А то, что осталось, подвергалось ремонту и модернизации. Облицовочные плиты, стыки в каменной кладке замазаны раствором. Но не всё растворилось во мгле веков. Двухэтажное каменное здание, ярусы открытых галерей с арками, обрамленными полуколоннами. Прямоугольные пилястры, потертый барельеф. Приземистые башни по сторонам фасада, окна со стрельчатыми венцами, полукруглые аркбутаны, алтарные выступы, кружево орнамента по фасаду – все это свидетельствовало о том, что здание все же относится к готической архитектуре. Крыша замка гармонично завершала конфигурацию: декоративные башенки-пинакли по углам; усеченная черепичная пирамида, переходящая в закрытую смотровую башню; и острый, как игла, шпиль, увенчанный крестоцветом.

– Этот замок построен в пятнадцатом веке, – проинформировала Селин, открывая дверь машины. И усмехнулась, позволив некоторую вольность. – С чем вас, собственно, и поздравляю. Прекрасная головная боль. Пойдемте, месье, «гарнизон» уже построен, не считая Франсуа Винье, который должен прибыть с минуты на минуту. Надеюсь, с документами у вас все в порядке?

Он старался сохранять невозмутимость, озирая свои владения. Обширная «приусадебная» территория. Невзрачные легковушки под навесом. Сад, каменные дорожки, фруктовые деревья, цветочные клумбы, закрытые пленкой – до буйного цветения оставались еще два долгих месяца... Парадное крыльцо, аккуратно подметенное, но явно требующее сноса. Слева вторая дверь – в картинную галерею. Табличка читалась за версту: «Ferme». Музей был закрыт. Парадное крыльцо хранило следы напыщенности и помпезности. В глубину сужалась арка с разрисованными архивольтами – обрамлением арочного проема. Углубление украшал жутковатый барельеф: люди с ослиными ушами и хвостами змей, звериные морды. Мальтийский крест на остроконечном завершении фронтона – позднее дополнение к фасаду. Знакомство с «гарнизонами» состоялось как-то сумбурно. Управляющий имением Огюст Шавр – пухленький человечек в потертом смокинге (по совместительству дворецкий) припал к Анджею с такой страдальческой миной, словно уже принял муки за грехи всего человечества. Театрально-напыщенная речь – даже Селин поморщилась. Как прекрасно, что вы уже прибыли, мы ждали, мы вас уже любим, надеюсь, вам понравится эта скромная обитель (где изредка случаются незапланированные убийства)... Дворник Йозеф оказался здоровенным детиною лет пятидесяти, насилиу выведенным из спящего режима. Такие фавны неплохо смотрятся в каменном виде, поддерживая балконы. Скромная *femme de chambre* – горничная Луиза Гурден – состояла из угловатостей (а может, намеренно играла неловкость), была подчеркнута без косметики, без украшений в ушах (хоть уши и проколоты), волосы собраны в пучок и так натянуты, что кончики глаз вылезали на виски. Такая не бросится исполнять мужские фантазии, если они не связаны, конечно, с ликвидацией пыли или походом в прачечную. Два охранника – Жак и Жан, – учтивые, немногословные, в чьи обязанности входит оберегать от внешних воздействий музейную коллекцию и прочий замок...

– Охрана меняется через сутки, – объясняла Селин. – Картинная галерея – под сигнализацией. По договоренности с господином Фредериком Лежа и представителем прежнего владельца Аланом Дюпре у меня есть комната на первом этаже, в которой я могу находиться неограниченное время. Но, сами понимаете, я не всегда бываю в поместье, поскольку в мои инструкции входит лишь контроль над сотрудниками и проверка охранной системы. Возьмите ключи, месье, – она протянула увесистую связку. – От башни, чердака, подвала, ваших апартаментов в северном крыле второго этажа. От картинной галереи ключи отдельно, они хранятся на пульте. Если желаете...

– Спасибо, Селин, пока не надо, – покачал головой Анджей. – Снимите галерею с сигнализации и откройте. Я приду позднее. А пока, если не возражаете, хотелось бы в одиночку осмотреть замок.

– Удачи, месье, – Селин улыбнулась серыми глазами. – Горничная навела порядок в ваших помещениях. Если желаете отдохнуть с дороги или, скажем, поесть...

Она задумалась.

– Что-то не так? – насторожился Анджей.

– Да нет, месье, все в порядке. Управляющий вызвал кухарку. Просто вы приехали так внезапно... Дело в том, что, пока в Гвадалоне не было хозяина, никто не устраивал застолий. Прислуга питалась привезенным из дома, охрану подкармливали. Но вы, наверное, не очень голодны? Лейтенант Дюссон сообщила, что вы поели в Шантуа...

В холле под сумрачными сводами царила густая тишина. Он опасливо озирался. Настенная роспись, в нишах статуи в струящихся каменных одеждах – то ли библейские цари, то ли французские монархи. Гранитную лестницу на второй этаж окутывала полумгла – две закрученные спирали, заключенные в восьмигранник столбов. Он шел медленно, как сапер, которого лучше не обгонять. Обходная галерея вдоль восточной стены упиралась на северной стороне во вторую лестницу – скромную, деревянную, со скрипящими ступенями. Он повернул обратно, миновал галерею, заглядывая в комнаты. Небольшие закутки – для горничной, дворника, кухарки, примитивная мебель и отделка. Переносной телевизор, DVD со стопкой дисков. Коллекция метл, скребки, грабли, мешки с удобрениями. На западной стороне холла – более просторные помещения. С мебелью напряженно, но это неплохо, можно оборудовать по собственному усмотрению. В одной из комнат сделать бильярдную, в другой реанимировать камин, открыть гостиную, «кабинет благоуханий», «домик удовольствий», в котором коротать часы тоскливыми зимними вечерами...

Короткий коридор завершался массивной железной дверью с табличкой «Ferme». Еще один вход в картинную галерею – для внутреннего пользования. Он подавил желание припасть к сокровенному. Услышал гулкие шаги, встал за винтовую лестницу. Вошли Селин и охранник. Скрылись в нише. Сработал тумблер. Бряцали ключи, скрежетала стальная дверь – выполнялось распоряжение Анджея об открытии выставки. Селин что-то тихо произнесла. Охранник ответил. Оба сдержанно засмеялись. Вышли из ниши и направились к выходу. Анджей дождался, пока они удалятся из здания, оторвался от лестницы, посмотрел вверх, куда уходила спираль. Возникло скользкое чувство, что он совершает что-то постыдное, недозволенное...

Планировка первого этажа не отличалась симметрией, но там все было понятно. На втором он чуть не заблудился. Клубок коридоров, голый потолок, такой же пол. Стены кое-где облицевали плиткой с изразцами, но особо не преуспели. Сухая штукатурка со шрамами от мастерка, голая проводка, лепешки разводных коробок. Становилось понятно, что имел в виду Гергерт, сообщая, что отдельным местам в замке не повредит ремонт. Он стоял посреди плетения коридоров, слушал звенящую тишину. В душу вкрадывалось что-то тяжелое. Он тронулся в северном направлении, вышел на галерею, где и обнаружил запертую дверь в собственные апартаменты. Один из ключей легко вошел в бронзовую скважину...

Это был не люкс, но для начала неплохо. Просторный зал выходил стрельчатыми окнами на пролив и запущенный сад в северной части поместья. Огромная кровать с «правильным» расположением изголовья – на восток. Ковер, хрустальная люстра, старомодные платяные шкафы, комоды, пустая птичья клетка. Отдельная дверь в санузел с ванной. На стене напротив кровати – увесистая картина, писанная темперой. Не такой уж шедевр, если в спальне, а не на выставке. Величественный замок-остров возносился шпилем к небу...

В шкафы он не полез, побоявшись, что оттуда посыплются скелеты. «Это что за скелет, Бэрримор? Его кто-нибудь уберет?» – «Это скелет уборщицы, сэр. Его некому убрать». Он притворил за собой дверь, прошелся по залу, глянул в санузел. Неплохое место для оргий. Особенно тронул бронзовый Христос, укоризненно вззирающий на дно белоснежного джакузи. Какие-то баночки, флакончики, гели, муссы для умывания с освежающим эффектом, одеколон со странным названием «Ъ». В комнате было не лучше. Он опасливо выдвигал ящики комода. Целая свалка бесполезных в хозяйстве предметов. Почему их не выбросили? Потрепанные игральные карты, выполненные в старомодной гламурной манере, сломанный увлажнитель воздуха, фигурка слона из слоновой же кости, позолоченный набалдашник трости, хромированный портсигар, тренога для телескопа, ножны для охотничьего ножа, полевой бинокль с восьмикратным увеличением. Блестяще. Не хватало подшивки «Трибуна люду» за 74-й год... Только бинокль представлял прикладной интерес. Он повертел находку, приложил к глазам, проверил на всякий случай с обратной стороны и подошел к картине.

Замок рисовали с фотографии – размашистыми мазками, а уж поверх прорисовывали тонкие детали. Багровое светило погружалось в море. Черные тучи наступали с востока. Огромный скалистый остров, окруженный крепостной стеной. За стеной – средневековый город, а на вершине холма – громадный готический замок – монастырская церковь – с лесами кровель, трубами, увенчанная острием шпиля. Знаменитая церковь Мон-Сен-Мишель в Нормандии. Любимое место отдыха инквизиторов. Мекка западного мира, куда стекались (да и продолжают) миллионы паломников. До пятого века – мрачная необитаемая скала, называемая Могильной Горой, которую кельты использовали для своих захоронений. Сюда друиды приходили поклониться заходящему солнцу, здесь тайно погребен Юлий Цезарь (неплохая сказка). В пятом веке часть горы погрузилась под воду, образовался остров, где построили часовню, а позднее замок – приют монахов-бенедиктинцев. Сюда тысячами стекались верующие, чтобы заслужить покровительство архангела Михаила. В Столетнюю войну англичане не смогли взять его штурмом. Сен-Мишель вдохновлял на подвиги Жанну д'Арк. С именем Сен-Мишеля связаны необъяснимые массовые паломничества детей. Бросая дома, родителей, маленькие дети отправлялись в поход к Могильной Горе. Таинственный небесный зов гнал их со всей Европы – из Польши, Фландрии, Швейцарии, Германии. Шли колоннами, через всю Францию, скандируя лозунги о том, как во имя Господа они шагают к Сен-Мишель. Им боялись мешать, такая одержимость исходила от нескончаемых мальчишек и девчонок! Тысячи гибли в пути, от холода, голода, но живые упрямо шли на запад, повергая в ужас взрослых. В пятнадцатом веке Людовик XI разместил в одной из камер монастыря железную клетку для особо выдающихся преступников. Адская штука – частокол заостренных прутьев, окованных железом, – висела на цепях у самого свода. При каждом движении заключенного клетка начинала раскачиваться. Кто не умирал сразу, сходил с ума, умирал постепенно. Триста лет эта клетка добросовестно служила людям. Одним из последних в ней качался журналист Виктор Дюбур, осужденный за памфлет на Людовика XV...

Резко, с дребезжанием, открылась дверь. Спина покрылась гусиной кожей... Анджей похолодел. Что за чертовщина! Он медленно обернулся, преодолевая чугунное сопротивление шеи. Никого. Дверь закрыта. Он сам ее закрыл.

Он повертел головой, сбрасывая оцепенение. Не могло померещиться. Он сделал шаг к двери. Что-то сорвалось со шкафа, пронеслось, хлопая крыльями, по комнате. Не успел он моргнуть, а в клетке на жердочке уже сидел здоровый красно-зеленый попугай, раскачивался и с любопытством смотрел на него. Он подбежал к клетке, запер дверцу. Попугай встрепенулся, что-то возмущенно проорал.

– А ты еще кто такой, приятель?

Попугай перепрыгнул на прутья, смешно завис вниз головой и, не спуская с Анджея внимательных бусинок, повторил тот звук, от которого кровь застыла в жилах. Вот поганец!

– Ладно, птица, мы с тобой позже разберемся, – пообещал Анджей, сдернул с кровати покрывало и набросил на клетку.

Он добрался до порога, распахнул дверь... и вновь страх вцепился в горло. Что-то мелькнуло в глубине коридора. Подул растревоженный воздух. Задрезбезжали плохо закрепленные перила...

Глава третья

Становилось не скучно. Он стоял на пороге, слушал. Царила тишина. Пока никто не объяснял, как в этих краях обстоят дела с привидениями. Машинально сжав тяжелый бинокль, он вышел в коридор, запер дверь.

– Чертовщина какая-то, – пробормотал он, выбрасывая из головы остатки наваждения. – Мыслим мы, конечно, неплохо, но вот соображаем туго...

Он бродил по лабиринтам второго этажа, пока не начал худо-бедно ориентироваться. Большинство комнат пустовало, кое-где разобрали пол, стены, отсутствовали осветительные приборы вместе с проводкой. Мгlistые тени струились по углам...

– Хватит, – прошептал он. – Пора изучать взаимосвязь архитектуры с окружающей ее природой...

Лестница в башенку, исходя из элементарной логики, должна была находиться посреди этажа. Но посреди этажа ее не было. Элементарная логика архитектору была неподвластна. Он обнаружил дверь в западном крыле, подобрал ключ, щелкнул выключателем – осветился извилистый коридор. На цыпочках, чтобы не вспугнуть отдыхающих призраков, он добрался до винтовой лестницы, по которой и выбрался на крышу.

В башне не было абсолютно ничего, кроме узких окон. Квадратное помещение со срезанными углами. С верхней точки Гвадалона открывалась впечатляющая панорама. Над проливом висела плотная водяная дымка. Проступали замысловатые прибрежные скалы, каменные островки, нагромождения булыжников в уютной естественной бухте. Кривые деревья вцепились корнями в трещины и расщелины. Пенно накатывались волны...

Он перебрался на южную сторону и обнаружил под собой ворота и фрагмент садово-парковой зоны. Так называемый регулярный (или французский) порядок: зеленые насаждения аккуратно пострижены, аллеи пересекались под прямым углом, цветники образовывали правильные геометрические фигуры. Угрюмый Йозеф размашисто шаркал метлой. Проплыла *femme de chambre* – под мышкой увесистый тук, из которого что-то вываливалось. В стойке подержанных машин объявилась еще одна – черный «Ситроен» начала девяностых с обрубленной кормой. Вероятно, прибыл хранитель искусств Франсуа Винье. Анджей насторожился: в поле зрения объявилась ответственная работница агентства «Голиаф» Селин Шаветт. Подошла к охраннику, что-то сказала. Тот кивнул, удалился. Селин осталась одна. Нахмурилась, погрузилась в мысли. Появилась неплохая возможность ее рассмотреть. Безусловно, интересная женщина. Немного за тридцать, густые волосы, щедро политые лаком, практически не чувствительны к ветру, правильное лицо с глубокими глазами. Умна, сообразительна, деловита...

Она вдруг вскинула голову. Анджей отшатнулся, обругав себя последними словами. Он имеет право рассматривать все, что ему хочется... Интересно, успела она его засечь?

До западных соседей было метров триста. От ворот на северо-запад убегала пешеходная дорожка, упиралась в Неж. Виднелись поручни еще одного мостика над бурными водами. За мостом тропа стелилась ровнее, терялась в скалах. Поместье Гофрэ имело вытянутую форму. Двухэтажное здание с двускатной кровлей, от которого ответвлялось еще одно – продолговатое, низкое, усеянное каминными трубами и слуховыми оконцами. Парадное крыльцо располагалось во втором здании – нарядный портал, обрамленный колоннами с капителями. Виднелись часть пешеходной дорожки, фруктовый сад, производящий в марте не самое аппетитное впечатление, два джипа на парковке – серый и белый...

Что-то шевельнулось на крыльце. Анджей отодвинулся в глубь башни, поднес к глазам бинокль. На крыльце объявилась симпатичная женщина с распущенными русыми волосами. Элегантные сапожки, белая курточка со шнурками-перетяжками, как на гусарском мундире. Блестели глаза. Она без остановки что-то говорила. «Элиза Фанкон, – догадался Анджей. –

Новая хозяйка Гофрэ». За женщиной возник мужчина лет тридцати пяти – обладатель неотра-зимого сексуального обаяния. Доминик Фанкон – сценарист. Он свел женщину под локоток с крыльца, подвел к белому джипу. Обнял за плечи, развернул к себе. Она доверчиво потянулась к нему мордашкой. Произошел исполненный страсти и чудовищного эротизма французский поцелуй, которым обе стороны остались довольны. Женщина села в белый джип, завела мотор. Мужчина стоял рядом. Произошел еще один поцелуй (контрольный), после чего машина тронулась, мужчина помахал рукой, послал воздушный поцелуй (явно излишний) и неторопливо зашагал в дом. Сценарий сочинять.

Анджей переместился к восточному окну. Бруа ютилось под пятой огромной скалы, воз-вышающейся над проливом. Башня, похожая на ладью, под башней строения поменьше, словно сметенные гигантским веником. Перед крыльцом, затейливо орнаментированным готическим барельефом, располагалась теннисная площадка. И здесь в районе крыльца что-то шевелилось. Он приставил к глазам бинокль.

Увеличение – потрясающее, мороз по коже. Рассерженное лицо худошавого старца. Он что-то выговаривал стройной блондинке. Блондинка была недурна. Молча выслушивала ста-рика, смотрела под ноги. Старик – а это был, по-видимому, Луи Фортиньяк, хозяин поместья – прекратил наезжать, перевел дыхание. Блондинка, воспользовавшись паузой, что-то сказала. Старик презрительно фыркнул, оба дружно повернули головы и уставились на поместье Гва-далон. Анджей не дергался: движение могут уловить, а вот застывший объект в глубине про-ема – вряд ли.

Старик поднял голову. Блондинка проследила за его взглядом. Отворилась балконная дверь над головами, и выплыла шуплая большеглазая старушка, закутанная в шерстяной пла-ток. Мадам Антуанетта – сестра покойной супруги. Взялась костлявыми руками за перила, посмотрела вниз. Старик прекратил браниться и, похрамывая, удалился в дом. Удалилась и старушка, бросив неприязненный взгляд на блондинку. Блондинка осталась. Послышался шум мотора, на территорию въехал знакомый черный «Фольксваген». Блондинка досадливо помор-щилась. Но сменила гнев на милость, вымученно улыбнулась. Из джипа высадился жилистый молодой человек в цветастой курточке, чернявый, кудреватый, со щеточкой усов под носом (Анри Жюбер, племянник Луи Фортиньяка), и плавно заструился к блондинке. Толкнул что-то разухабистое, заржал, как конь, и без галантных глупостей притянул даму к себе. Та позво-лила чмокнуть себя в лобик. Потом у нее нашлись неотложные дела, она отделалась от щеголя короткой фразой, взбежала на крыльцо. Анри завертел головой. Снова отворилась парадная дверь, появилась особа в чепчике, распахнутой куртке и фартуке поверх неприлично деколь-тированного платья. Она несла корзину с грязным бельем. Покосилась на молодого бездель-ника, игриво улыбнулась, побежала через двор – в прачечную. Прежде чем войти, поверну-лась, демонстрируя, что в одежде девушки обязательно должно иметься специально отведенное место для нескромных взглядов. Скрылась в проеме. Бездельник задумался. Глянул на окна второго этажа и, как-то ритмично подергиваясь, словно репетировал самбу, завальсировал к гостеприимно открытой прачечной.

– Вперед, сыны Отечества, день славы настает, – пробормотал Анджей. – Гнездо разврата какое-то.

Тьма поглотила Анри Жюбера. В окне второго этажа объявилось сморщенное лицо ста-рухи. Она очень пристально смотрела на прачечную...

Замысловато как-то. Без глубокого проникновения в ситуацию не разобраться. Он напряг память. Блондинка, получающая нагоняй от Фортиньяка, – Ирен Маклассар, подруга молодого Анри. Ловкая субретка-горничная – некая Николь Пуатье, недавно принятая на работу. Впро-чем, не субретка – последняя занимается сводничеством, а вовсе не достраивает любовный треугольник.

Послышался шум мотора. Он вернулся к западному окну. В Гофрэ тоже происходили занятные события. На территорию поместья въезжал синий джип. Явно не Элиза Фанкон – та убыла на белом и вряд ли за десять минут успела его перекрасить. Джип издал нетерпеливый гудок и припарковался рядом с серым. Две двери хлопнули одновременно: из дома выбежал Доминик Фанкон, из джипа – крепенькая женщина с распущенными волосами – вероятно, управляющая поместьем Диана Ормель. Лица обоих были искажены животной страстью. Они упали друг другу в объятия, произошел исполненный потрясающего эротизма французский поцелуй. Детям до пятидесяти такое лучше не смотреть. Анджей зажмурился. И здесь много-многолетняя деятельность на службе у порока... Когда он вернулся к наблюдению, энергетический обмен был в самом разгаре. Диана умирала от страсти, Доминик напористо покрывал ее поцелуями, расстегивал куртку, серый жакет.

Диана опомнилась, повлекла Доминика в дом. Он засеменил за ней, не вылезая из ее жакета. Явно не любители тантрического секса. Кажется, Мэрилин Монро однажды сказала: мужья хороши в постели лишь тогда, когда изменяют своим женам.

Франция непобедима. Он вздохнул и поволокся из башни.

Спуск на первый этаж обошелся без приключений. В холле он столкнулся с управляющим Огюстом Шавром. Маленький человечек расплылся в медоточивой улыбке и залебезил, глядя на него, как на «Сикстинскую мадонну» Рафаэля:

– Вы уже осмотрели здание, месье Раковский? Ну и как, вам понравилось? Конечно, некоторые помещения требуют косметического ремонта...

– Требуют, да, – он сухо кивнул. – Думаю, на следующей неделе я составлю список необходимых ремонтных работ.

– Ой, месье Раковский, а правда, что вы художник? – не отставал управляющий. – Мне сказали, вы рисуете очень выразительные картины.

– Правда, месье Шавр. Простите, мы с вами позже поговорим.

Он остановил служанку Луизу Гурден, которая, обнаружив, что их траектории пересекаются, начала сложно маневрировать. Но общаться с хозяином пришлось.

– Минуточку, Луиза, – сказал Анджей. – В моей комнате обнаружился неопознанный попугай с замашками провокатора. Это нормально?

– О, да, месье, – девушка потупилась, наложила на мордашку церковную святость. – Это Арчи, ему уже восемнадцать лет. Это был любимый попугай господина Переля. Когда он скончался...

– Вы уверены, что он скончался? – перебил Анджей. – Он летает и орет, как недорезанная ворона.

– Когда скончался господин Перель... – девушка зарделась, – тогдашняя прислуга не решилась отдавать его в чужие руки. Старый какаду живет в замке, мы его подкармливаем – то я, то Йозеф, то кухарка Сабина...

– Надеюсь, господин Арчи не говорящий?

– Да как вам сказать, – пожала плечами горничная. – Он знает несколько непристойных слов, но применяет их лишь тогда, когда долго не получает корм.

– Ну, это нормально, – улыбнулся Анджей. – Я тоже применяю непристойные слова, когда долго не получаю корм. Так и быть, Луиза, не будем покушаться на вашу дичь. Но учтите, если он еще раз изобразит скрип двери, я прикажу вам сделать из него жаркое.

Холл опустел. Он постоял несколько минут. В холле сэкономили на электричестве: винтовая лестница тонула в полумраке. Глубокая ниша, ведущая в картинную галерею, слева в стене – приоткрытая дверь. «Времянка» Селин Шаветт. Он покосился по сторонам, приблизился к двери, постучал. Никто не предложил убираться к черту. Он открыл пошире, сунулся в комнату. На вешалке висела серая куртка Селин. Обстановка спартанская – деревянная кушетка,

кресло, стол со стопочкой скоросшивателей, закрытый ноутбук, сумочка, кошелек. Откуда такая легкомысленность в трех шагах от места убийства?

За дверью в углу помещения работал душ. Женский голос что-то напевал. Дама решила расслабиться в свободную минуту. Он смутился, хотел выйти, но что-то заставило отправиться в другую сторону. Он подошел к двери. Селин мурлыкала песенку из репертуара Ин Грид. Воображение рисовало захватывающую картину... Внезапно скрипнул кран, оборвался напор воды. Шлепнула босая ножка о кафельный пол. Анджей попятился, застигнутый врасплох. Зацепил ногой стул, который перевернулся. Выбрался из комнаты в крайнем смятении, забыв, зачем сюда пришел, свернул в полутемную нишу...

Он до последнего оттягивал посещение галереи. Было что-то тревожное. Но он уже не мог терпеть. Медленно отворил тяжелую дверь, вошел в вестибюль, озаренный мерцанием красноватой лампы. И сразу понял тонким чувством, что в западном крыле он не один...

Он на цыпочках прошел полутемный зал. Иллюминация не работала, тусклый свет поступал из окна – через неплотно задернутые шторы. Просторный зал с крестовым сводом (в начертательной геометрии это что-то вроде пересечения двух полуцилиндров). Мягкий ковролин заглушал шаги, на стенах проявлялись прямоугольники полотен. Экспозиция закрыта для посетителей, полотна затянуты пористой пленкой, чтобы предохранить их от ненужных воздействий. Все строго, красиво. Ажурные карнизы под потолком, расписанным затейливыми узорами. Датчики объема по всей протяженности зала, приборы, контролирующие температуру, самозаписывающий аппарат в стеклянном футляре, почти незаметный в углу – психрограф, регистрирующий влажность воздуха...

Галерея представляла небольшую аркаду. Дверной проем имитировал готическую арку, за проемом распахнулся аналогичный зал – здесь экспонаты висели плотнее. Он отогнул на одной картине край «покрывала», прикоснулся к шершавому полотну. И вдруг различил глухое покашливание. Отдернул руку, прислушался. Тронулся дальше, одолел еще один проем, вышел в продолговатый зал, на котором экспозиция обрывалась. В дальней стене за волнистой пурпурно-лиловой драпировкой виднелась приоткрытая дверь. Он тихо пересек зал, просочился внутрь. Узкий проход изгибался вправо. Приглушенно работал кондиционер.

«Запасник музея, – догадался Анджей. – Экспонаты, по тем или иным причинам не участвующие в экспозиции...»

Он на цыпочках добрался до поворота, спустился с небольшой лестницы и оказался в низком помещении без окон. Здесь было много шкафов, деревянных стеллажей, заваленных любопытными предметами, стол с настольной лампой. Абажур целился в спину тщедушного человечка. Он сидел на коленях в дальнем углу и выуживал с нижней полки стопку холстов, переложенных пленкой и фанерными щитами. Силенок человечку не хватало. Он тужился, чертыхался культурными французскими оборотами. Сделал передышку, нагнулся, приподнял за угол верхний щит, стал водить подслеповатыми глазами по холсту.

– Определенно, это то, что нужно... – донеслось приглушенное бормотание. – Сейчас мы вас, ребята, как миленьких...

Он опять завелся, закричал.

– Помочь? – спросил Анджей.

Человечек подпрыгнул. Вперился, часто моргая, в нежданного посетителя. С лысоватой макушки стекал пот. Стекла очков запотели от волнения. Он снял их с носа, стал усердно протирать носовым платком, выуженным из штанов. Нацепил на нос.

– Вы меня испугали, месье, – человечек непроизвольно сделал жест ногой, словно собирался задвинуть полотна обратно.

– Вы меня тоже. Можно поинтересоваться, почему вы находитесь в моей галерее?

– В вашей галерее?... Боже ты мой, – человечек хлопнул себя по лбу. – Так вы господин Раковский?

– Да, – подтвердил Анджей.

– Извините, незнаком с вами лично... – Субъект нездорово засуетился, полез к Анджею с протянутой ладонью. – Спешу представиться, Франсуа Винье, хранитель, так сказать, вашего музея. Искусствовед, гид, проживаю в Шантуа на улице Коммунаров, дом шестнадцать, разведен в прошлом году... Правда, с того дня, как вы распорядились закрыть музей, я в некотором смысле без работы. Но это ничего, месье, я не в обиде...

– А что вы здесь делали? – нахмурился Анджей.

– Месье, вы не понимаете, – человечек начал успокаиваться, заговорил с укором. – Я уже много лет работаю с коллекцией Венсана Переля. Я обязан следить за ее состоянием. Помещения музея были закрыты целый месяц, это недопустимо! Разумеется, в залах поддерживается микроклимат, но это ничего не значит! Старинные картины живут своей жизнью! Они коробятся, сохнут, образуются трещины, осыпается краска, ветшают холсты, разрушается грунт... Я должен выявлять все случаи порчи материала и давать распоряжения – с вашего, разумеется, разрешения – на переправку под охраной картин в реставрационную мастерскую при Художественном музее города Кале. В этом году мы уже отправили на реставрацию две миниатюры Жана Фуке, бесценное полотно Антуана Гро «Наполеон направляется в Аустерлиц»... Я позволил госпоже Селин Шаветт, она сказала, что по вашему распоряжению открывает галерею. Я немедленно примчался сюда, в этом нет ничего необычного, месье...

– Вы не ответили, что вы здесь делали, – Анджей выразительно посмотрел на стопку, торчащую с нижней полки.

Но человечек присел и положил руку на соседнюю.

– О, месье, это сытая бюргерская Пикардия, увековеченная ее художниками. Картины писаны по дереву. Художники сами подбирали дощечки, чистые от сучков, – кусочки липы, груши, дуба. Их просушивали, склеивали, шлифовали до шелковистой гладкости, пропитывали маслом, опять сушили – ведь если останется капелька влаги, она покоробит доску, по краскам побегут морщинки, а живопись не должна стареть... Но разве можно полагаться на то, что было сделано четыре века назад?

– Вы работали с другой стопкой.

– Ах, это... – Месье Винье проследил за его взглядом, покраснел, как знамя Парижской коммуны. – Это Клод Шандемо, месье. Семь полотен выдающегося мастера. В прошлом году их вынули из рам, которые вконец расшатались, и заказали новые. Обещали изготовить к концу марта. Разумеется, мы не можем их пока выставлять. Но я должен проверять состояние холстов регулярно...

Он решил не упорствовать. С Шандемо он разберется позже.

– Хорошо, месье Винье, – миролюбиво сказал Анджей. – Разумеется, вы имеете право здесь находиться. Оставим в покое Шандемо и начнем знакомство с экспонатами галереи. Наверное, несложно снять с картин чехлы?

Невзрачный человечек оказался классным специалистом. Он знал о живописи практически все. Они ходили от экспоната к экспонату, искусствовед вдохновенно вещал. О каждой картине он мог говорить часами! Анджей холодел от мысли, что вся эта красота – его собственность. Нет, здесь не было представителей импрессионизма Эдуарда Мане, Эдгара Дега, Гогена, Ренуара, фовиста Матисса, кубиста Пабло Пикассо, романтика Эжена Делакруа, многих других уважаемых французов. Коллекционер Венсан Перель ценил классическую живопись. Несколько полотен Жоржа де Латура – живописца из Лотарингии, которая в XVII веке была центром развития французской живописи. Забытый мастер – только в начале XX столетия его открыли заново. Знаменитые жанровые сцены Латура – на тему, как молодой, прилично одетый человек становится жертвой уличных гадалок или карточных катал. Никому не извест-

ная «Сделка» – противопоставление темного пространства потоку яркого света. Напряженные сухие лица договаривающихся граждан, молчаливая игра взглядов, сонм сомнений, тревожная, буквально вибрирующая атмосфера... Жан Калло – еще один график из Лотарингии, увлекавшийся трагическими сюжетами. Бессмысленные, страшные события, удивительные персонажи, преувеличенная острота видения. Заскорузлые попрошайки, вандалы, вскрывающие могилы, казненные преступники, деревья, на которых высыхают повешенные... Несколько полотен знаменитого Луи Ленена, предвосхитителя идей Жана Жака Руссо – абсолютно иные сюжеты: тщательно прописанные картинки крестьянского быта, ежедневный труд. Молочницы, пахари, плотники... Нормандец Никола Пуссен, почитатель Гомера и Овидия, посвятивший творчество античной тематике. Мягкие колориты, обнаженные фигуры в естественном движении. Никому не известные «Богиня Победы возносит Геракла с костра на Олимп», непристойный «Проход аргонавтов между Сциллой и Харибдой», «Похищение Елены Тесеем и Пейрифоем»... Гламурный Шарль Лебрен того же XVII века, получивший звание первого живописца короля и усердно прославлявший мощь монархии и величие короля-Солнце. Блестящий пейзажист из Лотарингии Клод Лоррен с безупречной игрой тонов. Остроумные, «галантные» сцены неповторимого Жана Антуана Ватто – автора знаменитой «Вывески лавки Жерсена», которая должна была служить рекламой антикварной лавки, но когда ее купили, то разрезали пополам, и получилось две картины... Безупречная нагая натура Франсуа Буше в водопаде, гармонично вписанная в пейзаж. Библейские мотивы Эжена Моруа...

– Я вижу кое-где пустые места, – подметил он зорким глазом.

– И это неудивительно, – с готовностью отозвался Винье. – Несколько полотен я лично убрал в подвал: «Портрет гувернантки» Жана Батиста Симеона Шардена, «Чаепитие в беседке» Оноре Фрагонара, «Натюрморт со шляпой» того же автора. Вовсе не за тем, что мне не хочется показывать их людям, нет. У натюрморта осыпается грунт, гувернантка поблекла, чаепитие покрывается кракеллюрами – их видно даже при слабом увеличении. С этим надо что-то делать, месье. Почему бы нам в ближайший понедельник не провести полную ревизию экспозиции и не составить план внеочередных работ? Я могу пригласить эксперта месье Брезака из музея Кале – думаю, он с радостью нам поможет. Мы возьмем перечень экспонатов, он официально зарегистрирован в департаменте по налогам мэрии – вы убедитесь, что вся коллекция в наличии...

– Согласен, месье Винье, – Анджей выбрался из задумчиво-восторженного состояния. – Не сомневаюсь, что вся коллекция в наличии. Горячо поддерживаю идею инвентаризации. Выражаю вам огромную благодарность за экскурсию. Извините, но сейчас я должен вас выпроводить – хочу остаться один. Мы встретимся в другой раз.

Разочарование заблестело в глазах искусствоведа. Человечек опечалился. Но возражать не посмел.

– Хорошо, месье, я удаляюсь.

Он проводил глазами уходящего искусствоведа, закрыл дверь. Вернулся в подвал, спустился к стеллажу и несколько минут смотрел на стопку холстов, которые вытягивал Винье. Зачем они ему понадобились? Проверить состояние? Не убеждало. Слишком суетливо он тут орудовал. Вынести из здания? Непременно попался бы с этой кипой. Да и зачем искусствоведа выносить картины, если подозрение сразу падет на него? Он вспомнил, как тот бормотал: «Определенно, это то, что нужно...» Анджей нагнулся, взялся за кипу. Понятно, почему Винье не мог извлечь холсты по одному. Фактически папка, крепеж – на дальней стороне. Он был моложе и сильнее тщедушного человечка – поднатужился, вытянул стопку. Положил ее на пол. Разжал зажимы, связующие верхний и нижний листы фанеры. Без «обложки» стопка оказалась легче. Он переместил ее на стол под лампу, походил вокруг. Что-то было в этом загадочное... Подборка примерно одинакова по размеру – полметра на семьдесят сантиметров. Полотна явно не эпические. Не только Шандемо – сверху лежал Оноре Фрагонар, произведение бытового

жанра, остроумное, как и все у Фрагонара: миловидная кухарка хлопочет по хозяйству, а к ней с любовными ласками пристает молодой бездельник – хозяйский сын. Кухарка не прочь поддаться искушению, но вот дела, дела... Картина писана яичной темперой, что затрудняет мягкие переходы от света к тени, не дает достаточной прозрачности, но состояние очень даже неплохое... Он пересчитал полотна: одиннадцать штук. Если Шандемо всего семь...

Затылок неприятно онемел. Он резко повернулся. Никого. Кто тут появится, если он сам закрыл за искусствоведем? Но неприятное чувство оставалось. В поместье Гвадалон происходят странные события: труп незнакомки, призраки, пугающие новоявленных миллионеров, странные соседи, нервное поведение Винье... Он осторожно выудил из стопки несколько фанерных листов. Стало еще легче. Он сунул холсты под мышку, выбрался из подвала. Одолел аркаду, выключая в каждом зале свет, приоткрыл дверь, прислушался. Из холла не доносилось ни звука. Кто-то разговаривал на улице...

Откуда такое чувство, что он занимается чем-то преступным? Это его картины! Он может нести их даже на костер! Он быстрым шагом пересек погруженный в полутьму холл, взбежал по винтовой лестнице. Заперся в апартаментах, перевел дыхание и положил картины на кровать. Осмотрелся, заглянул в санузел. Погрозил пальцем попугаю, который застыл на жердочке и заворуженно наблюдал за его движениями.

– Ты ничего не видел, приятель. Не забывай про жаркое.

Попугай возмущенно фыркнул, повернулся к художнику задом.

Семь картин из одиннадцати действительно принадлежали кисти Клода Шандемо (монограмма из переплетенных «С» и «S»). Остальные, судя по манере исполнения, Оноре Фрагонару – ученику Франсуа Буше и Жана Батиста Симеона Шардена. Озорные «галантные» сцены, из которых то и дело прорываются бурные порывы чувств. Кухарка с любвеобильным барчуком. Страстный поцелуй в беседке, от которого у девушки с томиком сонетов сносит шляпку. Игра в шары с участием знакомого барчука, вожака смотрящего на открывшуюся коленку раскрасневшейся леди. Строгая матрона учиняет взбучку юной деве, которая сама кротость, но при этом косит в сторону, и топорщится сбившийся с виска локон...

Картины писались на матерчатом холсте и, в принципе, гнулись. Но он не рискнул, убрал полотна Фрагонара на свободную полку в шкафу, прикрыл рубашкой. Он чувствовал, что дело не во Фрагонаре. Разложил на кровати работы Шандемо, задумчиво на них уставился. Живописец известный, но куда ему до Рубенса, Дюрера, Делакруа. Что он знает о Клоде Шандемо? Хитрец, озорник, плутоватая личность, наделенная даром переносить на холст человеческие мысли и потаенные порывы. Родился в маленькой деревушке под Ипром в последний год XVI века, прожил относительно долгую по тем временам жизнь – целых семьдесят лет. В ранней молодости порвал с родной Фландрией, попал в Париж, брал уроки живописи у разных учителей. Ни у кого не задерживался. Изучал и копировал картины в Лувре. В двадцатые годы поехал во Флоренцию и вернулся оттуда сформировавшимся художником. Из Парижа перебрался в Лотарингию (просто кузница кадров!), где обзавелся нарядным домом, красавицей женой – дочерью крупного городского чиновника. Долго в браке не прожил, супруга попалась немного не в себе, убежала ночью на речку, где и утонула. Больше в браке живописца не замечали. Но женщин не чурался. Считался мастером пейзажа, богедоны (натюрморта, сенок в трактере) и выразительной светотени. Обитал где-то на севере Франции. Писал на заказ, в забвение не погружался, под старость ногой открывал двери начальственных кабинетов. В молодости брал уроки у Жака Калло, написал несколько картин совместно с Якобом Йордансом, Антонисом ван Дейком. Самое знаменитое его творение «Происшествие на дороге» украшает один из залов Лувра – негоциант перевозил товар по горному перевалу и угодил в обвал. Порче имущества, страданиям лошади и сопутствующим чувствам посвящен шедевр...

Он вглядывался в картины, пытаясь схватить за хвост ускользающую мысль. Полотна сохранились терпимо, писаны маслом из льняного семени, дающим глянцевый блеск. Дружная

семья на фоне вспаханного поля и дороги тащит воловью упряжку. Вернее, воловья упряжка тащит семью. Отец и три сына. Пот градом, но никто не пропускает уходящую по дороге девушку. Двое смотрят ей вслед, третий со злостью – на братьев. Глубокий потаенный смысл: все люди братья (пока нет сестер). На второй картине каменистая пустыня. Бронзовый закат. Верблюды – корабли пустыни. Караван уходит на закат. С востока приближается песчаная буря, выписанная предельно реалистично, но бедуины ее не видят. Зато видит суслик (маленький торпедный катерок пустыни), улепетывающий от стихии со всех лапок... Две картины – просто пейзаж, свободный от человеческого участия. Лес, поваленный бурей, горное ущелье после схода осыпи. Пятое полотно – типичная богедона. Таверна, где дезинфицируют душу и закусывают мужчины. Дубовые лавки, пол из сучковатых досок. Резкое противопоставление света и тени. Лица пирующих прорисованы условно, свет от масляной лампы падает только на человека, сидящего во главе стола. Бородач с озорными глазами, потрепанный камзол, ворот обвивает и спускается по плечу яркий красно-белый шарф. Можно представить, что художник на этой картине изобразил самого себя. Наверняка себя, на шестой картине – он же в окружении атрибутов искусств – холсты, этюды, портретные наброски, испачканная палитра, рулоны рваной бумаги. Художник сидит перед мольбертом, на котором лишь чистый холст со свежей грунтовкой, опирается на муштабель – специальную тросточку для закрепления творящей руки – и лукаво смотрит на зрителя. Седьмое полотно – пышный портал католического храма. Священник садится в карету. Изможденный бродяга в цепях – клейменный преступник – падает ниц перед служителем культа. «Отпустите грехи, кюре», – умоляют глаза. «Да кто же их держит, сын мой?» – ласково отвечают глаза священника.

Интуиция настаивала, что с одной из картин что-то связано. А если учесть, что Клод Шандемо был не чужд мистификаций и розыгрышей... Он стряхнул оцепенение. Какая ему разница? Он обладатель огромного состояния – из ниоткуда, из воздуха! Не стоит спешить. Он сложил картины, сунул их под матрас безразмерной кровати с той стороны, где не собирался спать, заткнул простыню.

Что ж, даже если сапер ошибся, разминирование он все равно произвел...

Необъяснимая сила тащила обратно в башню, где он оставил бинокль. Оптический прибор лежал на подоконнике, просился в руки. В Бруа у старика Фортиньяка было тихо и безлюдно. Он перешел на западную сторону. Здесь имелось кое-что. На крыльцо, поправляя прическу, выбралась управляющая помещьем Диана Ормель. Бурное свидание со сценаристом, похоже, завершилось. «Верну мужа в семью. Надоел», – говорило ее уставшее лицо. Она подошла к синей машине, зарылась в багажник. В поместье въехал белый джип, остановился рядом с синим, вышла Элиза Фанкон, что-то прошептала Диане – та приветливо улыбнулась и, увешанная пакетами, побежала в дом. Диана открыла капот. Через минуту объявилась обнявшаяся ячейка общества. На сей раз в дальнее странствие собрался Доминик. Он крепко поцеловал жену, забрался в серый джип и покатил прочь. Элиза махала ему ладошкой. Из капота показалась любознательная мордашка Дианы. Женщины остались одни. «А ведь Элиза просто обязана подозревать Диану», – подумал Анджей. В лице хозяйки действительно что-то изменилось. Она перестала махать и повернула голову. Диана захлопнула капот и распрямила спину. Элиза начала движение. Диана отправилась навстречу. Женщины сошлись напротив крыльца... нежно обнялись и запечатлели долгий французский поцелуй. Чуть бинокль не выпал. Совсем забыл, в какой стране находится... Элиза отстранилась и с любовью посмотрела на Диану. Диана с любовью посмотрела на Элизу. Женщины взяли за руки, взошли на крыльцо и скрылись в доме.

– Франция точно непобедима, – пробормотал Анджей...

День подходил к завершению. Он обнаружил за лестницей в холле незапертую дверь из ударопрочного стекла, вышел в северный сад. За прибрежной территорией, похоже, не сле-

дили. Деревья и кусты росли хаотично. Он нашел узкую тропку, выбрался к проливу, постоял на каменистом берегу, наблюдая, как мерно вздымается море, выбрасывая на скалы шипящую пену. В следующие полчаса он совершил обход северной стороны поместья. В лучшие времена его огораживала каменная стена. Но она давно развалилась, поросла мхом, и теперь лишь отдельные фрагменты старой ограды живописно проглядывали в складках рельефа. Западным соседям было не сложно, перебравшись через мостик, минуя ворота, проникнуть на территорию Гвадалона. Чего нельзя сказать о восточных соседях. Старик Фортиньяк бдительно пекся о своих границах: всю его территорию украшала высокая ограда. Она тянулась с южных «рубежей», в районе береговых скал упиралась в бетонный мол, который глубоко вдавался в пролив и служил своего рода фонтаном, о который красочно разбивалась волна...

В замке его подкараулил управляющий Шавр.

– Просим к столу, месье Раковский. Буфету не хватает косметического ремонта, но зато Сабина расстаралась на славу. Холодильники забиты. Чего изволите, месье? Закуски: авокадо под майонезом, цикорный салат в кочанчиках, паштет из зайца. Бифштекс из рубленого мяса с жареным картофелем, отбивная телятина, запеченный окорок с фасолью. А если будут особые пожелания, то можно заказать в ресторане, через полчаса доставят. Безграничный ассортимент, месье, – утка с апельсинами, петух в вине, кролик с кокосовыми орехами, куропатка, перепела, цесарка с черносливом...

«Мамонтятинки бы сейчас, – подумал Анджей. – А этого типа, видимо, придется уволить – уж больно из кожи лезет...»

– Спасибо, месье Шавр, вы очень кстати. Перекусить не мешает.

Кухарка Сабина была приветливой полноватой особой со странными косичками. Но своим искусством владела виртуозно. Он с аппетитом поужинал, поблагодарил, заплатил кухарке за «беспокойство» двести евро, отчего она пришла в полный экстатический восторг, и отправился наверх.

Рухнул на кровать. Сразила дремота. Он очнулся от скрипа двери. Подпрыгнул, со злостью выкрикнув по-польски:

– Арчи, пся крев, а ну прекращай!

Но попугай оказался не при делах. Он прекратил чистить перышки на своей жердочке и удивленно воззрился на хозяина: что за дела, глупый человек? Дверь приоткрылась, явив элегантного седовласого господина в клетчатом пиджаке и с тросточкой. Господин за версту благоухал Cacharel Amor.

– Извините, месье, не думал, что вы отдыхаете. – У него был обволакивающий бархатный голос. – Зайду в другой раз.

– Ну что вы, – Анджей поднялся. – Даже и не думайте. Проходите. Подозреваю, вы работаете в юридической конторе?

Попугай изобразил закадровый смех.

– «Лежа и Вронски», – кивнул господин, покосившись на хамоватую птицу. – Фредерик Лежа, к вашим услугам. Я на минутку, месье. Зашел выразить свое почтение и посмотреть документы, удостоверяющие акт сделки. Пустая формальность.

– Присаживайтесь, – Анджей кивнул на кресло. – Разумеется, месье Лежа. А вдруг я самозванец, который целый день прикидывается Раковским с неизвестной, но коварной целью? Я слышал, месье Лежа, вы были поверенным еще у месье Переля?

– Да, – учтиво кивнул юрист. – Это был достойный и порядочный господин. Работать у него было сущим праздником. После смерти этого уважаемого человека фонд Александра Люкера, которому по завещанию прежнего хозяина отошло поместье, предпочел не искать нового юриста и продолжал пользоваться моими услугами. Нареканий не припомню.

– Фонд Александра Люкера... – усмехнулся Анджей. – А вы не в курсе, чем этот фонд занимается?

– А я должен быть в курсе? – юрист недоуменно поднял брови. – Об этом вам лучше знать, месье Раковский. Вы же купили у них поместье.

– Конечно, – миролюбиво улыбнулся Анджей. – Должен знать. Но не знаю. Поместье приобретено, как это принято говорить, по случаю. Впрочем, о чем я, господин Лежа? Сделка законна, недоразумений, надеюсь, не возникнет.

– Безусловно, – юрист пересмотрел бумаги. – Я думаю, здесь все в порядке. Если найдется на днях свободный часок, зайдите к нам в контору, мы закрепим некоторые имущественные и правовые положения. Позвоните. Вот моя визитка. Я всегда к вашим услугам. Надеюсь, месье Раковский, мы станем хорошими знакомыми.

– Я даже не сомневаюсь, месье, – располагающе улыбнулся Анджей.

Глаза слипались, он плохо помнил, как уходил юрист. Но отдохнуть после сытной трапезы опять не дали. Зазвонил сотовый телефон, о наличии которого он уже забыл.

– Алё, музей? – с фирменной ехидцей осведомился Пашка Айзик – глава детективного агентства «Арчи Гудвин». – Привет господам миллионерам из нищей Польши, все такое. Рассказывай скорее, как дела, чем занимаешься, не пучит ли от лягушек? Знаешь анекдот? Две лягушки прыгают. Вдруг – бац – стрела перед носом. Одна обрадовалась: о, принц. Другая: знаешь, подруга, не всё так просто. Мы вообще-то во Франции...

– Уснуть пытаюсь, – честно признался Анджей.

– Я так и знал, – расстроился Айзик. – С одного бока смазливая служанка, с другого – резвая амазонка из охранной службы...

Анджей вздрогнул. Умение Айзика проникать в потаенные фантазии близких и дальних людей – даже не анекдот.

– Попал, – развеселился Айзик. – Тебя хоть кормят на чужбине? Чем, интересно?

– Кормят, – неохотно признался Анджей. – Что сами едят, то и мне дают. У самого-то как дела?

– Плохо, – подумав, сообщил приятель. – Пришел с работы, сижу на кухне, смотрю на нашу всенародно избранную беду и пытаюсь прожевать котлету. Ева готовит фирменные котлеты – называются «кирпичики». Пойду намекну – с нее еще супружеский долг. За февраль. Послушай, Анджей, что-то я не слышу радости в голосе счастливого обладателя замка-музея. Или ты уже зазнался?

– У меня тут труп, – неохотно признался Анджей. – Девушку прибили за три дня до моего приезда. И вообще, имеется мрачное подозрение, что что-то здесь нечисто...

– Со сделкой накололи? – живо отреагировал Айзик.

– Да нет, со сделкой все нормально. Поместье – мое. Но и скелеты в шкафах – видимо, тоже мои...

– О, как я обожаю эти средневековые страсти... – застонал Айзик. – А у нас в Варшаве как назло закончились преступления. Второй день – ни одного клиента. Франчишек с Изабеллой штаны просиживают в офисе, скоро со скуки сексом займутся. Сам уснул в кабинете, проснулся вечером. А Еве не объяснить, что я там один спал, обиделась... Послушай, Анджей, мне кажется, тебе не помешает спасательная команда. Ты у нас миллионер, денег не считаешь. Предлагаем услуги ангелов-хранителей. Мои услуги тебе обойдутся в ежемесячные четыре тысячи европейских денег, я скромный, Изабелле и Франчишке хватит двух. На двоих. Всего шесть тысяч в месяц, зато какая компания! Визу мы оформим, имеются у меня нычки...

– Дорого, – буркнул Анджей.

– А думаешь, это легкая работа – из болота тащить идиота? Сколько раз я тебя уже вытаскивал?

– Ладно, не обижайся. Я подумаю над твоим предложением. Завтра позвоню.

– Позвони, – вздохнул Айзик. – Завтра так завтра. Завтра – это быстро. Будь здоров. Пойду делать в спальне сенсационную находку.

Не успел он отбросить телефон на подушку, как тот опять завелся.

– Ты забыл пожелать мне спокойной ночи? – проворчал Анджей.

– Пан Раковский? – после паузы осведомился господин Гергерт. – Я, конечно, не возражаю пожелать вам спокойной ночи...

– Это не вам, – растерялся Анджей. – Добрый вечер, господин Гергерт.

– У вас никаких проблем?

– Да как вам сказать... У меня-то никаких, а вот у девушки, которую убили в этом поместье три дня назад, боюсь, проблемы...

– Минуточку, – перебил Гергерт. – Мы ничего об этом не знали.

– Я вам верю. Это местные разборки, не имеющие отношения к вашей организации. Но осадок, как говорится, остался.

– Подождите, – голос абонента помрачнел. – Полиция расследовала это дело? Преступник арестован?

– Полиция, по крайней мере, в курсе. Здесь неторопливая полиция. Комплекс формальных действий они провели, ждали нового владельца. Боюсь, меня поджидают непростые деньки.

– Мы можем вам помочь?

– Как хотите. – Анджей задумчиво уставился на попугая, которому надоело сидеть взаперти, он отогнул клювом крючок, открыл дверцу и переместился на люстру, которая тут же дала угрожающий крен. – Информацию об этой истории можно получить в полицейском управлении Шантуа. Ознакомьтесь, если появится желание. Может, натолкнетесь на дельную мысль.

– Хорошо, мы проверим информацию.

– А у вас, господин Гергерт, ничего необычного? Как поживает коллекция умбара? Не шалит?

– Справляемся, пан Раковский. Спокойной ночи.

На этом спокойная жизнь в поместье Гвадалон подошла к концу. Одуревший от впечатлений, он спустился на первый этаж, поймал за хлястик управляющего Шавра и настойчиво поинтересовался, не завалилась ли в доме приличная выпивка. «Если скажет, что нет, уволю к чертовой матери», – решил он.

– Вам доставить в номер? – услужливо справился управляющий. – Или сами донесете?

– Донесу, – гордо сказал Анджей. – Озвучьте список.

Управляющий от важности надул щеки.

– Пожалуйста, месье. Коньяк «Наполеон», ликер «Шартрез», бенедиктин, кальвадос, джин, текила, виски, ракия, граппа, аквавит, кир королевский – белое вино с сиропом из черной смородины, мартини, анисовая водка «Пастис», божоле, бордо, «Кот дю Рон», рислинг, белый сотерн, красный сонтемильон...

– А вы мне нравитесь, – Анджей поощрительно похлопал управляющего по плечу.

– Но это не все, месье, – задрал нос мажордом. – Большинство из перечисленных напитков принято употреблять с десертом. Какой вам больше по вкусу? Имеются слоенные пирожные, пирог с клубникой, смесь нарезанных фруктов маседуан, желе, шоколадный мусс, взбитые сливки. Не обойду вниманием и прохладительные напитки: минеральная вода «Виши», «Бадуа», «Перье», сельтерская, апельсиновая.

– Как мало мы знаем об этом мире, – расстроился Анджей. – Знаешь, дружище, давай не выделяйся, тащи коньяк, фрукты. И эту... ну, которую ты последней назвал.

Последним оказался банальный апельсиновый сок. Он затворил ногой дверь, поставил поднос на подоконник, придвинул кресло... и напился в ужасающем одиночестве, имея перед собой лишь вид на сумерки. Сгустилась темнота, опустела бутылка. Он был вдребезги пьян. Дотащился до кровати, кое-как разделся...

Удивительное было рядом. Он очнулся посреди ночи от противного чувства. Вернее, очнулась часть сознания, малая, остальная была в стельку пьяна. Темнота – глухая. Практически абсолютная. Он был не один в огромном зале. Шорохи, дуновения, кто-то ходил на цыпочках и что-то делал. Будь он в форме, непременно бы вскочил и начал разбираться. На худой конец, просто бы испугался. Но он не понимал, что происходит. Он не мог шевелиться, что уж говорить про извилины?

С этой мыслью он провалился в объятия Морфея. Но тут его щеки коснулась горячая рука. Тепло побежало по телу. Прогнулась кровать, что-то скользнуло к нему под одеяло. Он открыл пересохший рот, чтобы выразить отношение, но как-то не собрался. Горячие губы впились в него, мягкое тело обвилось вокруг скованных мошей. Ловкие пальчики заскользили по груди, по животу. Он напрягся, хотел поднять руки, чтобы потрогать прижавшуюся к нему женщину, и даже поднял одну, но его решительно отстранили.

– Расслабься... – вкрался в мозг доверительный шепот.

Он расслабился. Не все ли равно? Перед глазами была кромешная чернота, он не видел даже контура лица партнерши. Но то, что она делала, было приятно. Кровь потекла по замороженным членам – и то ли по воле случая, то ли закономерно стала поступать именно туда, куда требуется...

Много позже до него дошло: она специально не хотела, чтобы к ней прикасались. Прикосновения создают представление о пропорциях человека. Он плавал в полубреду. На голову набросили одеяло – словно крышка саркофага захлопнулась. Женщина бесшумно соскользнула с кровати. Он приложил титаническое усилие, чтобы не уснуть, стащил с головы одеяло, но все равно ничего не увидел. Видимо, она уже оделась. Или убежала с одеждой в руках. Приоткрылась дверь...

Он вспомнил, что, зайдя с подносом, забыл запереться. Ну и что? Все живы, все довольны... Целая вечность прошла, пока он поднялся, доковылял до двери, заперся, нашел на ощупь остатки сока, выпил, рухнул в койку...

Глава четвертая

Он помнил запах этой женщины. Единственное, о чем она не смогла позаботиться. Он проснулся с этим запахом – дразнящим, волнующим. Запах улетучился, отправился в бездонную копилку памяти. Состояние – сложное. Пошарил глазами по подоконнику – бутылка пустая. Еды не припас. Лучше не начинать заново. Он уперся угловатой частью тела в матрас, начал мучительное возрождение...

Холодный душ подействовал леденящим образом. Он вылетел из него, как пробка из шампанского – с ясной головой, готовый жить активной жизнью. Привиделось? Нет! Некоторые детали туалета утверждали обратное. У кого тут комплекс ночной нимфомании? Он приподнял матрас. Картины Шандемо лежали аккуратной стопкой. Метнулся к шкафу: полотна Фрагонара тоже на месте. Стоп... Рубашку сверху он положил не так. Кто-то ее перевернул. Чертыхаясь, он бросил рубашку на пол, бережно вынул картины. Все целое, но к полотнам кто-то прикасался. Их уже вынимали этой ночью. Какая любопытная нимфоманка...

Клетка с попугаем, накрытая покрывалом, всю ночь молчала. Он приподнял покрывало – птица сидела на жердочке и щелкала клювом. Он тоже сел, задумался. Стоит ли ломать голову? Полотна целы, сам живой (еще и сексом наградили). Вот если бы украли, а его убили...

Выпить все-таки пришлось: голова завывала, как реактивный истребитель. В буфете имелся бар, в баре – множество сосудов с яркими наклейками. Напевая «Дойче зольдатен унд офицерен», он бродил по замку, делая мысленные заметки. Тот же самый набор обитателей. Охрана дружно зевала. Нормальное человеческое состояние: треть жизни на работе, треть во сне, многие стремятся совместить эти два занятия. Мертвой зыбью он проплыл мимо управляющего Огюста Шавра, который отчитывал кухарку Сабину за опоздание. Кухарка улыбнулась Анджее. Управляющий, заметив приближение хозяина, втянул голову в плечи. Почуввав запах, сглотнул.

– Да, – сказал Анджеей, уже отойдя на несколько метров. Развернулся. – Доброе утро, Сабина и месье Шавр. Доложите, сколько человек ночевало сегодня в доме?

Кухарка и управляющий переглянулись.

– Как всегда, месье, – доложил Шавр. – Горничная Луиза, я, дворник – у него своя каморка рядом с будкой охраны...

– Мадемуазель Шаветт?

– Точно, – кивнул управляющий. – У мадемуазель Шаветт, насколько я в курсе, неприятности личного плана. Она уехала в город, потом вернулась, вся в расстроенных чувствах, сказала, что поссорилась со своим... молодым человеком и проведет ночь в Гвадалоне. Она имеет право, месье. Больше того...

– Не сомневаюсь, – перебил Анджеей. – То есть в доме ночевали две женщины?

– Ну, вроде, – пожал плечами Шавр. – Что-то не так, месье?

– Все отлично, месье Шавр.

Он бродил по мрачному замку, распугивая призраков. Постоял на башне, наблюдая, как в Гофрэ дружная «шведская» семья пытается завести синий джип Дианы Ормель, а в Бруа белобрысая Ирен Маклассар курит дамскую сигарету и думает горькую думу. Проверил наличие картин в апартаментах, освоился в лабиринтах второго этажа. Побродил по галерее первого. Видел, как горничная Луиза вошла к себе в комнату, оставив приоткрытой дверь. Он неслышно подкрался, стал подглядывать. Занятное дело – следить за женщинами, которые не знают, что за ними следят! Угловатая, нескладная, уставшая от утренних приборок, она села в кресло, расслабилась. Потом встряхнулась, вынула из волос шпильки, помотала головой. Пышные волосы свалились на плечи, как пьяный в лужу...

В кресле сидела другая женщина. Не дурнушка, не медвежонок. Глубоко вздохнула, по губам скользнула улыбка. Луиза поднялась, начала переодеваться. Бросила испачканный фар-тук на кровать, расстегнула платье. Села, рассеянно взяла книгу с прикроватной тумбочки, перелистала...

Селин Шаветт сидела в буфете и задумчиво смотрела в окно. При виде художника как-то смутилась, кашлянула. Он пристально посмотрел ей в глаза.

– Доброе утро, Селин. Вы позволите вас так называть?

– Конечно, – она кивнула.

– У вас проблемы, Селин?

– С чего вы взяли, месье?

– Хорошо выспались?

– Нет, не очень, – она встала, запахла полы куртки. – Мне не очень хорошо спится весной, месье. Хотелось бы с вами поговорить. Агентство «Голиаф» осуществляет охрану содержимого вашей картинной галереи. За безопасность вне охраняемой территории оно ответственности не несет. Но объект серьезный, поэтому меня и обязуют появляться в вашем поместье. В последние полтора месяца все было понятно: на окнах металлические жалюзи, оба входа надежно заперты, наши парни дежурят на воротах круглосуточно, совершают обход территории, следят за состоянием охранной системы – а тревога, не приведи господь, прозвучит не только в будке, но и на пульте в Шантуа... С вашим же приездом условия работы меняются. Вы можете открыть галерею для посетителей, можете этого не делать. Вчера вы распорядились ее отпереть. В галерею немедленно проник месье Винье, чему мы воспрепятствовать не имели права. Затем туда проникли вы и удалились с экспонатами под мышкой...

Анджей вздрогнул. Селин с интересом поедала его глазами.

– Это ваше право, месье, вы хозяин. Не удивляйтесь, мы обязаны всё видеть. Согласитесь, в таких условиях агентство «Голиаф» должно как-то иначе организовать работу.

– Понимаю, – согласился Анджей. – Никаких проблем, Селин. Мы можем встретиться на днях с руководством вашей фирмы, переписать некоторые условия и... знаете, я не стал бы возражать против третьего круглосуточного охранника. Оплата за услуги, разумеется, по вашим расценкам.

– Прекрасно, месье, – Селин сдержанно улыбнулась. – Это все, что я хотела сообщить. Рада, что вы правильно реагируете. – Она направилась к выходу.

– Извините за вопрос, – решился Анджей. – Почему такая привлекательная женщина работает в охранном агентстве?

Она не растерялась. Улыбка осветила сумрачное помещение.

– Я не просто работаю в охранном агентстве, месье. Я являюсь одним из его учредителей и по мере надобности замещаю господина Сержа Лаплата на посту директора. Надеюсь, со временем это агентство станет моим. Если буду хорошо трудиться. И еще для справки: несколько лет назад я жила в 15-м округе Парижа и работала в контрразведке ДСТ. Почему я оттуда ушла и что я там делала – слишком долгий разговор, и вряд ли он вам будет интересен.

Дворник Йозеф прочистил трещины в бордюрах от прошлогодней листвы, собрал ее в мешок и отнес за сарай. Теперь стоял перед сараем с банкой краски и хмуро, с прищуром, как Микеланджело каменную глыбу, его разглядывал. Здоровый сутулый субъект с седыми вихрами. Комбинезон маленького размера трещал по швам. На ногах красовались разные бутсы – один армейский, с торчащим языком, другой похожий на обрезанный кирзовый сапог с наращным каблуком. «Не парнокопытное», – подумал Анджей.

Он встал рядом с дворником и тоже принялся критично озирая облезлый сарай. Дворник покосился на него, ничего не сказал. Со скрежетом изобразил дежурную улыбку.

– Предлагаю раскрасить в стиле экспрессионистов, – сказал Анджей. – Хаим Сутин. «Туша быка». Не знакомы? Представлен в Музее изобразительного искусства города Гренобля. Рисует за два часа.

Дворник ничего не понял и посмотрел на него внимательнее. «В носу бы хоть поковырял, – подумал Анджей. – Вдруг мозги включатся».

– Любезный, вы немой?

Дворник медленно покачал головой.

– Так подайте же реплику.

Йозеф с натугой разлепил рот, хрипло вымолвил:

– С-слушаю вас, м-месье.

Рассмеялся охранник, который стоял неподалеку и прислушивался к «беседе».

– Не обращайтесь внимания, месье. Из Йозефа проще вытянуть евро, чем слово. Он сильно заикается и стесняется этого. Зато передвигается быстро. Отличные ходовые качества. В прошлом месяце наркоманы из Шантуа тут бродяжили, кому-то вздумалось забраться на частную территорию, так вы бы видели, как Йозеф разозлился! Схватил дубину и гнал их до самой развилки!

«Все равно уволю, – подумал Анджей. – Всех уволю, кроме хозяина Елисейского дворца».

Второй охранник, отвечающий за въезд и выезд, отворил ворота, и на территорию въехал представительный черный «БМВ». Машина встала перед въездом на аллею, из нее вывалился бледный и взволнованный юрист Фредерик Лежа в распахнутом черном плаще. Глаза растерянно рыскали.

– Месье Раковский... – Голос адвоката срывался. – Боюсь, у нас опять неприятности... Я ехал к вам, чтобы передать просьбу городского собрания о возобновлении работы картинной галереи «Гвадалон», а также провести предварительные переговоры о перезаключении договора страхования относительно коллекции. Это обязательно надо делать, если меняется владелец... Не хотелось бы вас расстраивать, но метрах в трехстах от ворот лежит мертвый Франсуа Винье... Похоже, он свалился со скалы... Я мог бы не заметить, проезжая мимо, но этот чертов ботинок...

Кухарка, прибывшая ранее, этот «чертов» ботинок, видно, не заметила. За спиной раздался испуганный вскрик. Управляющий Огюст Шавр направлялся к Анджее (видимо, с приглашением на завтрак), да не дошел.

– Этого не может быть...

Анджей резко повернулся, не скрыв раздражения:

– Вы хотите сказать, он не мог умереть, не предупредив?

На завтрак был визит полиции. Двоих из этой банды он уже знал – лейтенанта Катрин Дюссон и сержанта Армана Жулье. Особой лаской полицейские не отличались. Как и третий – сутулый седовато-плешивый господин, инспектор полиции, отзывающийся на имя Филибер Шовиньи. Помимо трех работников следственного отдела, прибыли несколько в форме и двое с медицинским уклоном. Знаменательная встреча состоялась на месте происшествия – между изгибами дороги, в окружении скал. Несчастный человечек со свернутой шеей лежал между громадными валунами, на один из которых неизвестно зачем забрался. Тело вывернулось самым некрасивым образом, грязный ботинок торчал в небо, очки разбиты, в глазах боль. Из поместья подошли четверо – Анджей, Селин, управляющий и обнаруживший тело юрист. Полиция умудрилась примчаться раньше. Работа уже кипела. Медик колдовал над телом, двое в форме обнюхивали место происшествия.

– Наслышан о вашем приезде, месье Раковский, – протянул руку инспектор. – Будем знакомы. И как вы к этому относитесь? – он кивнул на мертвеца.

– Без восторга, – пробормотал Анджей. – Не поверите, инспектор, но когда я приобретал поместье, мечталось о спокойной жизни с перспективой на безбедную старость.

– А в каком возрасте у вас в Польше начинается безбедная старость? – спросила Катрин.

– Мужчины в среднем живут до семидесяти, – пожал плечами Анджей. – Примерно в этом возрасте и начинается безбедная старость.

– Действительно, зачем мертвецам деньги, – фыркнул долгоносый Арман Жулье.

– Лейтенант, вы слишком пристально меня разглядываете, – повернулся к женщине Анджей. – Вам не нравится запах сивушных масел? Да, я вчера хорошенько выпил. Но это был не повод убивать работника моего музея.

– Вы с ним вчера разговаривали? – помедлив, спросила Катрин.

– И очень долго. Месье Винье был настоль любезен, что предложил моему вниманию продолжительный экскурс по картинной галерее. Не скажу, что Франсуа Винье был похож на человека, собирающегося умереть.

– Хорошо, будем разбираться, – сказал инспектор. Горящий взгляд носителя истины устремился на хмурого юриста. – Сочувствую, месье Лежа, что на вашу долю выпало несчастье быть первооткрывателем. Поведайте нам, любезный, как вы обнаружили горемычного господина Винье.

Французское следствие работало неторопливо, с соблюдением всех процессуальных норм. Кухарка, проезжая на своем разбитом «Опеле», могла не заметить тело. Но месье Лежа, на свою беду, заметил устремленную ввысь ногу. Будучи уверен, что очередной бродяга очутился от ночного холода, он вышел из машины, вскарабкался на валун. И настроение на весь день оказалось испорченным. Он долго и нудно объяснял, какие неотложные дела привели его хмурым утром в Гвадалон. Была опрошена Селин Шаветт – не слышали ли ее подчиненные подозрительных шумов в ночное время (не слышали; а если слышали, она не в курсе). Был опрошен Огюст Шавр – не имел ли он вчера беседы с пострадавшим (не имел), где провел ночь (в постели). Опросили Анджея Раковского – на предмет причины, вынудившей его прилечь к алкоголю.

Странное занятие – спрашивать у поляка, почему он приложился к алкоголю. Анджей затруднился ответить. Полицейский медик сообщил, что смерть «клиента» наступила ориентировочно в два-три часа ночи.

– У меня алиби, инспектор, – встрепенулся Анджей. – Моя выпивка никак не связана со смертью господина Винье, поскольку происходила на закате, а часам к десяти я уже спал мертвым сном.

– Вы так торопитесь в подозреваемые, – поморщился Шовиньи. – Надеюсь, вы не просыпались ночью?

Катрин Дюссон рассмеялась. Инспектор посмотрел на нее укоризненно и тоже улыбнулся.

– Ни разу, – твердо сказал Анджей.

– Мадемуазель Шаветт уверена, что вы забрали что-то из галереи и отнесли к себе в апартаменты.

– Это картины, инспектор. Для доподлинного изучения. Скажите, когда вы из своего подвала забираете старый велосипед и относите наверх, чтобы произвести мелкий ремонт в мастерской, вы не получаете повестку в суд?

– Юморист, – хмыкнул сержант.

– Мы с ним не заскучаем, – обнаружила лейтенант.

– Послушайте, инспектор, – окликнул Шовиньи криминалист. – Не исключено, что этот парень сам забрался на камень, поскользнулся и упал. Но при этом обязательно присутствовал добровольный помощник. Следов не осталось, перед рассветом шел сильный дождь. Однако я сомневаюсь, что он свернул себе шею, падая с камня. Думаю, ему свернули шею на дороге, а

потом затащили сюда, с глаз подальше. После обеда сделаем вскрытие – возможно, проясним ситуацию.

– На несчастный случай не рассчитывайте, инспектор, – хмуро бросил Анджей. – Франсуа Винье был сильно испуган. Не пытайте, не знаю. Он покинул Гвадалон в районе пяти вечера. Убыл на своей машине. Допросите охрану, она подтвердит. Но зачем-то ночью он опять сюда вернулся – и, что характерно, пешком. С кем-то встречался...

Анджей запнулся, подумав о ночном происшествии в замке. А ведь в этом что-то было.

– Договаривайте, – насторожилась Катрин. – Вы что-то знаете, месье.

Пришлось срочно выпутываться.

– Подождите, – Анджей нахмурился, изображая мучительное рождение мысли. – Не знаю, с кем встречался Винье и кто его убил, поскольку простодушно спал в это время, но... знаете, мне пришлось буквально силой выталкивать его из галереи. Он хотел там остаться – причем без моего участия...

Трудно понять, почему он решил произнести эту фразу. Какой-то внутренний позыв, интуиция. И рассчитана она была не на полицию, а на тех, кто пришел с ним из замка. Люди угрюмо молчали, сбились в кучку – управляющий, юрист, совладелица охранного агентства. Переваривали сказанное. Возможно, кто-то из них – с особым смыслом...

Разгулялся ветер. Черные тучи надвигались с моря. Накапывал дождь. Инспектор Шовиньи углубился в раздумья, наблюдая, как подчиненные укладывают на носилки тело. Катрин Дюссон потеряла интерес к Анджею и хмуро разглядывала обитателей поместья. Девушка была не проста. Вполне вероятно, она уже сделала определенные выводы, но не торопилась доносить их до начальства.

– Какие картины вы унесли из галереи? – внезапно спросил сержант.

Анджей вздрогнул. Еще один неглупый полицейский?

– Имена Оноре Фрагонара, Жана Франсуа Милле, Теодора Жерико вам о чем-нибудь говорят, сержант? Эти картины лежали в запаснике без рам, я их просто отнес к себе, чтобы... в общем, вам не понять. Когда я покидал свою комнату, картины все еще были там, в чем несложно убедиться.

Сержант предпочел не развивать тему.

– Клавье! – инспектор щелкнул пальцами, подзывая подчиненного. – Выясните, что делал Франсуа Винье после пяти вечера. Насколько я знаю, он холостяк, но существуют соседи, продавцы магазинов по соседству, глазастые горожане. Нам интересны все его вечерние и ночные перемещения. Боюсь, месье, – повернулся он к Анджею, – нам придется пройти к вам в поместье и продолжить работу. Будем откровенны. В городке, где преступления такая же редкость, как шутки не про секс, в течение недели происходят два убийства в непосредственной близости от поместья Гвадалон. Логично допустить, что убийства связаны. Вы не против, если мы познакомимся с вашим «родовым» гнездом, прислугой и мирными соседями?

Вопрос на засыпку: как попала в Гвадалон девушка по имени Мишель? Да, охрана сосредоточена на галерее, но ворота они стерегут, с дороги девушка подойти не могла, а чтобы появиться с обратной стороны, ей нужно было выйти из пены морской или из Гофрэ. А если из Бруа, то никак не посуху (там крепкая ограда). Несложно догадаться, что полиция озадачилась подвалами и подземными ходами...

Он не стал чинить препятствий закону. Глупо обзаводиться новыми проблемами. Он увлеченно наблюдал, как Катрин, сдерживая злость, пытается разговорить дворника Йозефа. Потрясающая информация: спал, ничего не слышал, и вообще в его обязанности не входит следить за всякими грамотеями. Луиза Гурден тряслась от страха, много говорила, но очень мало по существу. Арман Жулье терпеливо записывал показания – прислуги, охранников на воротах, управляющего с юристом. Анджей любезно разрешил полицейским спуститься в под-

вал и сам туда заглянул. Подвалы Гвадалона не были чем-то жутким, бездонным и застораживающим. Двадцать каменных ступеней, забетонированные пустые боксы, мощные колонны, подпирающие потолок. Повсюду пыль, плесень и запустение.

– Не празднично, месье? – зашел со спины инспектор, рассчитывая испугать. Испугал.

– Здесь нет подземных ходов, инспектор, – вздохнул Анджей. – Ни скелетов, ни призраков.

– Вижу, – согласился Шовиньи. – Имеется еще одна версия гибели Франсуа Винье. Озвученная вашей доброй служанкой. Случайное убийство. Бродяги, наркоманы. Этим маргиналам ничего не стоит убить человека ради горстки евро.

– Как скажете, инспектор, – пожал плечами Анджей. – Эта версия так же правдоподобна, как и то, что Винье вскарабкался на камень, а потом оступился.

– Не скажите, – улыбнулся Шовиньи. – У этой версии больше шансов. В январе в местечке Ланготье – это порядка пятнадцати миль – несколько накурившихся подростков напали на сторожа яхт-клуба. Двадцать пять ножевых ранений. В декабре за автостанцией бездомный изнасиловал в коллекторе мать двоих детей. Мы обязаны проверять все версии. Вы же не рветесь нам помочь? – колющие глаза полицейского вцепились в него крюками.

– Перестаньте, инспектор, – разозлился Анджей. – Не рвался бы вам помочь, не пустил бы сюда без ордера и адвоката.

– Инспектор, извините, что прерываю вашу дружескую беседу, – подошла Катрин Дюссон. – Но только что звонил Клавье. Они опросили соседей и хозяйку минимаркета, где закупаются жители таунхауса на улице Коммунаров. Она их всех знает. В половине шестого Винье подъехал к магазину, купил пачку сигарет, пытался закурить прямо на кассе, то есть был расстроен, рассеян и задумчив. Потом прогулялся по улице, заглянул в магазин интимных товаров, машинально купил какую-то мелочь...

– Надувного Троцкого? – живо влез в беседу сержант Жулье.

– Пачку презервативов. Этот человечек ведет... вел, невзирая на замухрышистый вид, активный образ жизни.

– Ага, – поддакнул Жулье. – Любил доводить любовь до логического конца. Это не ваш образ жизни, инспектор. Прошу меня простить, но вы когда-нибудь погибнете по самой нелепой причине: вас моль сожрет.

– Помолчи, – проворчал инспектор. – Это все, Катрин?

– Потом его видели сидящим в парке. Купил багет и кормил голубей.

– Какая идиллия, – фыркнул Жулье. – А как насчет реализации приобретенной эротической мелочи?

– Никак, – покачала головой девушка. – Патриция Буре – работница архива городской библиотеки... м-м, знакомая нашего покойного, а на ее след Клавье привела хозяйка минимаркета – эту ночь провела в гордом одиночестве.

– Понятно, – крикнул Жулье.

– Консьержка уверена, что Франсуа Винье прошел мимо нее в начале девятого вечера. Подавленный, бледный. В одной руке он держал телефон, по которому приглушенно говорил, в другой – пинту кальвадоса. Если выпил – вскрытие покажет, – Катрин выразительно посмотрела на Анджея.

Тот пожал плечами.

– И у меня покажет... если вскрыть.

Катрин прыснула.

– И что характерно, консьержка не помнит, в котором часу месье Винье выходил из дома и выходил ли вообще. Она отвлекалась, пила кофе, дремала, знакомилась со свежей газетой. Хотя... – работница отдела расследований задумалась, – насчет того, выходил он или нет, двух мнений быть не может.

– Это точно, – важно согласился Жулье.

– Минуточку, – нахмурился инспектор. – Нужно проверить звонки, поступившие на телефон Винье.

– Затруднительно, инспектор, – развела руками Катрин. – У покойного не найдено телефона. А также не найдено бумажника и наручных золотых часов, которые, по мнению опрошенных, у покойного имелись. Пусть бледное, но все же подтверждение версии банального ограбления. Правда, непонятно, что он делал ночью в скалах.

– Он мог идти в Гвадалон, – пожал плечами Жулье. – Мог идти из Гвадалона. Мог бродить по своим сомнамбулическим делам.

– Пора поговорить с соседями, – сделал странный вывод из услышанного инспектор. – Надеюсь, нас не выставят за порог.

– И в животе уже урчит, – поддакнул Жулье.

– Буду рад, инспектор, если вы возьмете меня с собой, – восторженно Анджей. – Не уверен, что найду более пристойный повод для знакомства с соседями.

– Ах, какая драма, – сокрушенно качал головой мужчина с удивительно светлыми, лучистыми глазами. – Бедный месье Винье. Как же его угораздило. К сожалению, господа, мы практически не знали этого доброго господина. Виделись пару раз, при встрече улыбались, говорили дежурные любезности...

– Не драма, а детектив, месье Фанкон, – поучительно сказал Шовиньи. – Если убивают в конце – это драма, если вначале – детектив.

– Вы так оптимистичны, инспектор, – хмыкнула Катрин.

– Боюсь, нас ждут большие неприятности, – вздохнул Шовиньи. – В противном случае я полный тупица и не служил тридцать лет в полиции.

– Ах, перестаньте, инспектор, – защелбетала русоволосая Элиза Фанкон (если честно, в бинокль она смотрелась лучше, во всяком случае, глубокие носогубные складки были не видны). – Все же понимают, что проклятые наркоманы совсем распустились! Почему полиция не возьмется наконец за эту шпану? Сколько можно терпеть? У нас на работе рассказывают страшные истории! У мадам Живода племянник ушел из дома, живет в наркоманском приюте, совсем опустился! У господина Шеваля – известного в городе антиквара – дочь лежит в клинике для лечения наркоманов! Соседка Мирабель Бонжу заболела простудой, выпила таблетку, которую ошибочно приняла за аспирин, после чего у нее появилось жгучее желание бежать на дискотеку...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.